

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Необходимое предисловие

Десять лет прошло с тех двадцати зловещих секунд 7 декабря 1988 года, которые чуть ли не мгновенно изменили до предела и без того измененный уже после Сумгаита менталитет нашего народа.

Начиная с первого дня Спитакского землетрясения, четыре месяца кряду я ездил в Ширак и Лори, как на работу. Для меня это и впрямь была всамделишная работа. Писал, врачевал, помогал спасателям извлекать из-под завалов живых и мертвых, возил бесконечное множество гостей в районы, которые вскоре в официальных документах получили название «зона бедствия». Издал десятки очерков и статей, а также книгу на армянском, русском, английском языках.

И тогда, и впоследствии, каждый раз посещая зону бедствия, я как-то рефлекторно ловил себя на терзающей душу жгучей мысли, что в общенародной трагедии мы, современники, виноваты куда больше, чем так называемая слепая сила природы. И вот в канун десятой годовщины трагедии, просматривая личные архивы, я обнаружил страницы из бесчисленных блокнотов, путевые заметки, дневники, случайные записи, в которых, что называется красной нитью проходит, я бы сказал, публицистическая тема, раскрывающая суть и смысл нашей не только общей беды, но прежде всего общей вины. Я глубоко убежден, что чуть ли не в девяноста процентах случаев наши соотечественники, особенно дошколята и школьники, нашли страшную смерть в завалах жилых домов и общественных зданий, построенных буквально на глазах нашего поколения.

Предлагая вниманию читателя писательские заметки, хотелось бы не столько напомнить о поистине беспрецедентных документальных эпизодах и сюжетах, которые, кроме как в жизни, нигде не вымотришь, не придумаешь, но и попытаться подвергнуть критическому анализу нашу общую вину перед живыми и мертвыми, перед самой историей. Ибо еще в недавнем прошлом, «строя и возрождая новую жизнь», мы преступно забывали о действующем юридическом и нравственном законе, об обязательном извлечении уроков из трагической истории бесчисленных раз-

рушительных «армянских землетрясений». Однако самое, на мой взгляд, страшное — это то, что и сегодня мы продолжаем с каким-то патологическим размахом строить, особенно в Ереване, не извлекая при этом спасительных уроков из Спитака, раны которого еще не успели зажить.

1998 г.

...Со стихией не надо бороться.
Нужно лишь, опираясь на опыт
и уроки истории, предупредить беду.

Джек Лондон

Одна из первых правительственных телеграмм, отправленных в центр сразу же после землетрясения 1926 года, гласила: «В Ленинакане были сильные подземные толчки. Много человеческих жертв и сильные разрушения. Целые кварталы города разрушены. Шесть селений разрушены до основания. Из других участков сведений нет. Население под открытым небом. Выхала на место особая Правительственная Комиссия...»

Знакомясь с архивными документами тех дней, я обратил внимание, что в основном были разрушены дома, построенные после двадцатого года. То есть после установления Советской власти. В деревнях же разрушились глинобитные строения. Полностью сохранились все военные казармы, все так называемые гарнизонные здания, частные дома, построенные из черного туфа. В них и разместились все те, кто лишился крова. Всюду в те дни висели объявления, написанные Ленздравотделом: «Сообщается, что сего 5, 6 и 8 ноября гарнизонные бани предоставляются в пользование всех граждан».

И еще из бесед с очевидцами: в основном были разрушены дома, которые возводились без цемента. Вся, как они выражались, строительная мысль сводилась к тому, чтобы тяжелый камень класть на тяжелый камень и тем самым добиться прочности. Никому в голову не могло прийти, что земля разверзнется под ногами так, что образуется трещина.

Я не очень верю в такую версию: мол, люди не задумывались над тем, что вновь может стрястись беда. Без телевидения, без газет, без учебников они очень хорошо знали, что поодаль от Гюмри — Александрополя — Ленинакана, на правом берегу Ахуряна стоял красавец Ани, одна из древних столиц Армении, и сегодня от него остались одни развалины. Не могли они не знать, что всего каких-то сто километров по прямой от Гюмри до трехъярусного храма Звартноц, который рухнул от земле-

трясения. О том, что живут они на вулкане, люди очень даже хорошо знали. И память имели крепкую и цепкую. Только цемента не имели крепкого и цепкого. Вот и мудрили: тяжелый камень клали на тяжелый камень. Многие из тех, кто пострадал от землетрясения в 1926 году, не раз слышали и до этого гул земли, сильные толчки. И в час беды они сплывались. Помогали друг другу. Поступали так, как века назад. Как всегда.

Началось восстановление Ленинанкана, сопровождаемое громкими лозунгами и призывами: «Коллективными усилиями преодолеть замедление темпа социалистического строительства с тем, чтобы через короткий срок с удвоенной энергией двинуться вперед!» «Пусть враги знают и еще раз увидят на деле, на что способна рабоче-крестьянская масса Ленинанкана!» Комитет по восстановлению Ленинанкана объявил всесоюзный конкурс на составление лучшего проекта антисейсмических конструкций для жилых домов.

Я справлялся у очевидцев бедствия о победителях конкурса. Выяснилось, что наступивший после ленинанканской трагедии тысяча девятьсот двадцать седьмой год прошел под девизом победы... Сталина над Троцким. В самом Ленинанкане в ту пору больше говорили об Алма-Ате, куда был сослан Троцкий, нежели о собственных бедах. Вскоре вообще все позабыли о Ленинанкане. И самое удивительное то, что позабыли о нем в первую голову архитекторы и строители. Генеральный план составляли только для того, чтобы нарушить его. Каждый первый секретарь или мэр города заодно становились и главными архитекторами города. словно родившиеся от одной матери, они одинаково страдали максимализмом. Ленинанканцы рассказывают, как уже через несколько лет после своего воцарения тот или иной хозяин города, и впрямь став хозяином, ходил по древнему Гюмри королем, хвастаясь тем, что это он построил огромный комбинат, огромный завод, огромный жилой массив, огромную школу.

И все же до тысяча девятьсот шестьдесят пятого года строили куда ни шло. Не так, как царь возводил казармы и гарнизоны, крепости и церкви, но все же строили по совести. С тысяча девятьсот шестьдесят пятого года словно началась новая строительная или градостроительная эра: «Дашь высотный Ленинанкан!»

Апогея своего она достигла в семидесятые—восьмидесятые годы. Выросло целое поколение, которое просто ничего не знало о землетрясении двадцать шестого года: поколение ленинанканских олимпийских чемпионов, поколение ленинанкан-

ских юмористов, поколение ленинканских градостроителей, поколение ленинканских мужей и отцов города. Они привыкли к тому, что Ленинкан приводили в пример всем и во всем, особенно по части градостроительства древнего Гюмри. Поколение, которому и в голову почему-то не приходило, что там, где уже было землетрясение, беда может повториться. Поколение, для которого стало неожиданностью то, что через шестьдесят два года сорок пять дней шестнадцать часов и одну минуту в том же Ленинкане взбунтуется земля. Седьмого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в одиннадцать часов сорок одну минуту только в Ленинкане перестали называться домами семьсот семьдесят четыре здания. Восемьдесят два дома, среди которых имелись дома-квартиры, разрушены до основания. Их просто нет. И среди них восемьдесят были построены в семидесятые, восьмидесятые годы. Частично разрушены сто тридцать три дома — все они «застойные». Специалисты считали, что сто восемьдесят девять домов подлежали разборке. Все они построены при советской власти. Ленинканцы говорили: «Ленинкан разрушился, Гюмри остался».

В газетах писали, что во время землетрясения погибли десятки тысяч человек. Подсчитано, что десятки тысяч погибли только в двухсотдвадцатитысячном Ленинкане. К цифрам мы еще вернемся. Поговорим о судьбах людей. О том, что жертв могло оказаться куда меньше, если бы люди Советской Армении совестью своей и чувством долга походили бы на своих отцов и дедов, живших в дореволюционной Армении. Да что там дореволюционной! Если бы совести у нас было хотя бы столько, сколько при Никите Сергеевиче Хрущеве, то сохранились бы десятки тысяч жизней. Честно построенные дома (исключения подтверждают правило) тоже вышли из строя. На них смотреть нельзя без содрогания. Но они продолжали стоять. В них люди остались живы, целы. Беда-то в том, что девятиэтажные дома в течение секунды превратились в... одноэтажные. Не выдержала конструкция. Не выдержали блоки, балки, панели. Не выдержали десять баллов не только потому, что они были рассчитаны на девять (говорят, даже на восемь), а потому, что было совершено преступление.

* * *

За два года до «Спитакской трагедии» мне удалось после нескольких тщетных попыток опубликовать в «Литературной газете» статью о том, как на протяжении многих километров об-

валилась бетонная облицовка просвета тоннеля Арпа-Севан. Я приводил данные о том, что, спустившись в шахту, мы вместо положенных двадцати сантиметров толщины бетона обнаружили всего пять сантиметров. Открыто было сказано о том, что речь идет о воровстве, что вор всегда вор, и он будет воровать цемент и при строительстве церкви, и при строительстве канала. После публикации в «Литературке» из Москвы в срочном порядке направили «крупных специалистов», которые выступили по ереванскому телевидению и «успокоили» народ. Говорили о геологии, о разломе, даже о том, какие они, проектировщики, молодцы. При этом ни по телевидению, ни в печати не упоминалась статья в «ЛГ». Этакое игнорирование печати. Этакая амбиция. Зато тотчас же был наказан первый секретарь Мартунинского райкома партии только за то, что он с писателем спустился в шахту и показал обвал.

С Арпа-Севаном нам удалось поднять общественность. А вот с остальными бедствиями ничего у армянских писателей-публицистов не выходило. Четыре раза я пробовал в Ереване напечатать статью о том, как на реке Мармарик рассыпалась... плотина. Всамделишная плотина. Благо, не успели наполнить «искусственное море» водой. А то бы четыре села смыло, как при цунами. Не мог напечатать. Ничего у меня не вышло и с материалом о том, как в центре Еревана при полном штиле рухнул девятиэтажный дом. Погибли прохожие. Рухнул строящийся автомобильный мост. Погибли строители.

* * *

Во все времена сыны отечества спасали отечество правдой. Один из великих сынов Армении писал: «Наставники безграмотные и самодовольные. Они не призваны Богом. Избранные при помощи серебра. Но не духом. Стяжатели, завистники, утерявшие кротость, в коей обитает Бог. И обратившиеся в волков, терзающих свое стадо... Ученики нерадивые в учении, рьяные поучать... Воины — робкие, хвастливые, ненавидящие брань, бездельники, сластолюбивые, нестойкие, грабители, пьяницы, похитители, собратья разбойников. Начальники — мятежные, приспешники воров, скаредные, рвачи, скупые, алчные, расхитители, разорители, сквернолюбцы, сообщники слуг. Судьи — бесчеловечные, лживые, обманщики, взяточники, не чтущие закон, изменчивые, придирчивые. И полная утрата всеми любви и стыда... И от всего этого страдает народ, которому, словно мало невзгод от царей, да еще вдобавок засушливая весна, дождливое

лето, морозная осень, суровая, вьюжная, нескончаемая зима, бурные знойные, тлетворные ветры, грозовые, градоносные тучи, несвоевременные, бесполезные дожди, холодный, леденящий воздух, бесплодная прибыль и чрезмерная убыль вод, оскудение плодов земли и убой скота, к тому же еще землетрясение».

Написаны слова не в прошлом веке и не в позапрошлом. И не тысячу лет назад. А пятнадцать веков назад. Написал слова эти отец армянской истории, величайший публицист Мовсес Хоренаци. Как видим, с тех пор мало что изменилось. Нам ведь все кажется, что мы очень изменились, стали лучше, совершеннее, чище. Нам вбили в голову, что мы ни мало ни много — честь и совесть эпохи. И мы поверили. Правда, не то что поверили, а скорее, свыклись с мыслью, что ничего страшного не происходит вокруг. Ничего, например, страшного в том, что Брежнев называли честным и принципиальным родителем, чьи слова вывешивали в школьных классах: «Кто, как не родители, должны заботиться о том, чтобы дети не только хорошо усваивали все те знания, которые дает школа, но и приучались к порядку, дисциплине, чтобы они соблюдали нормы жизни нашего общества». Хотя страна хорошо знала о норме жизни дочери и зятя генерального секретаря. И тем не менее никто не снимал со стен школьных коридоров «мудрые» слова еще одного «мудрого» вождя. Не хватало смелости. Ни у кого: ни у меня, ни у тебя, ни у него. Мы, загипнотизированные, лишённые мужества, не сопротивлялись ничему. Первый секретарь райкома на вверенной ему территории был царь и бог. Ему подчинялись все: и ОБХСС, и рынок, и милиция, и прокурор, и торговля, и архитектурная мысль. Захотелось в районном центре поставить бетонную спичечную коробку — и ставили. И каждый раз убеждались, что совершенно преступление, но все равно никого не призывали к ответу. Место бывшего первого секретаря занимал другой, и все шло прежним ходом. А все потому, что «избранные при помощи серебра» не боялись закона. Они боялись только одного: как бы в Кремле не упал с трона царь царей. Больше ничего не боялись местные цари. Цари, которые брали на себя не только функции земледельцев и прокуроров, но и архитекторов и даже градостроителей. Это от них зависело, какому селу перестать существовать вообще, а какому — стать городом. И какие дома ставить в том городе, в бывшем селе, пережившем за три тысячи лет сотни землетрясений. Презрев боль земли, царьки давали команды строить в маленьких селах бетонные школы в два, а то и в четыре этажа. Общественность шумела. Писали письма. Жаловались. И ничего...

Только за последние два года и только в республиканской газете «Коммунист» было опубликовано пятьдесят шесть крупных проблемных статей. В них ставились вопросы капитального строительства, градостроительства, жилищного строительства. И заглавия статей были соответственными: «Кто подпишет акт отказа?», «Строить качественно!», «Нужна рабочая совесть», «Нужна перестройка стройки», «Кривая панель», «Скупой платит дважды», «Трещина». Автором многих статей была Флора Нахшарян. Ни на один из материалов редакция не получила ответа. Ни единого. Не реагировали даже на статьи, авторы которых отмечали, что строители воруют цемент. Я активно сотрудничаю почти со всеми республиканскими газетами и давно убедился, что местных газет местное начальство просто не читает. Только после того, как стряслась беда в Армении, только после того, как М. С. Горбачев выразил удивление по поводу того, что выстояли хрущевки и рухнули дома, построенные за последние годы, была создана Специальная комиссия Госстроя СССР, которая выявила: «Прочность бетона оказалась в четыре раза ниже проектной». Какой кошмар!

* * *

Прогнозировать землетрясения невозможно. Пока. Но предвидеть беду и можно, и нужно. «Известия» писали, что еще за полтора года до землетрясения в Армении Государственная строительная инспекция обнаружила великое множество дефектов в деле так называемого капитального строительства и составила документ, в котором подчеркивалось: «Возведение зданий с указанными дефектами представляет повышенную опасность в сейсмических условиях, так как даже при незначительном сейсмическом воздействии произойдет их полное разрушение». Однако государственные мужи и отцы городов не обратили внимания на документ, составленный Государственной комиссией. Не опубликовали. Засекретили его. И последующие полтора года продолжали строить с дефектами, раздавая и получая при этом премии, ордена, почести. И неизвестно, сколько бы продолжалось преступление, если бы не седьмое декабря.

* * *

Шестого декабря с начальником политотдела войск гарнизона полковником М. С. Сурковым, вместе с которым мы выступали по телевидению с серией передач о проблемах объявленного в Ереване комендантского часа, мы летали в районы

Гугаркский, Спитакский, Амасийский, Гукасянский, пролетая через Кировакан, Ленинакан. Прильнув щекой к холодному иллюминатору, я смотрел на медленно подползающую под брюхо вертолета пустынную каменистую землю и все удивлялся тому, что на почти лунной поверхности возведены города-оазисы, села-оазисы. Радовался тому, что наперечет знаю все населенные пункты. Не без гордости показывал их Суркову, запросто произнося названия. Летели по западному склону Арагаца, и я показывал ему находящиеся слева Верин Талин и Мастара, Маралик и Ширакаван. Прямо по носу Ленинакан, а справа остается Артик. А там уже Амасия...

Я видел живую карту родины и думал о том, какой гигантский труд вложен народом в обновление этой живой карты, какую цену заплатил народ за это обновление. За новые города, новые села.

Слева хорошо видно правобережье Ахурына: приток Ахурына Карс, разрезающий пополам Карсское плоскогорье. И Ленинакан и Амасия, и еще десятки и десятки населенных пунктов расположены на Карсском плоскогорье. Том самом Карсском плоскогорье, где наиболее часто зарегистрированы землетрясения на всем Армянском нагорье.

Вечером, возвращаясь домой, я вновь смотрел на живую карту Родины и не мог предположить, что через несколько часов на эту землю опустится мрак.

* * *

...В Рязанском медицинском институте профессор хирургии Б. П. Кириллов читал лекцию о сердце. Он произнес фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: «Да простят нас влюбленные и поэты, но сердце всего-навсего нагнетательный насос». Потом он рассказал о том, как в начале века экспериментами было доказано, что сердце не просто насос, а автоматический. Оно может некоторое время работать даже вне организма. Изолированно. Такой надежностью наделила главный наш орган природа. Более ста раз мне довелось в кабине вертолета слышать: «Взлет разрешаю!» И каждый раз перед посадкой, облетая Спитак или Ленинакан, Налбанд или Джрашен, особенно в первые дни после адского землетрясения, я ясно сквозь гул вертолета слышал удары сердца. Систола. Диастола. Они доносились из-под развалин. И я понимал, что это не галлюцинации. Я знал, был убежден, что в руинах Спитака бьются еще тысячи и тысячи сердец.

Гора из груды бетонных плит, балок, панелей, камней, стекол, арматуры, штукатурки. Здесь стояла многоэтажка. Спрашиваю спитакцев: «Сколько этажей было?» Один говорит «пять», другой — «шесть». Я не удивляюсь. Напротив моего дома в Ереване стоит многоэтажное здание. Убей, не скажу точно, сколько этажей. Но зато спитакцы, словно сговорившись, все говорили, что на первом этаже был магазин. Большой промтоварный магазин. И добавляли, что в тот самый час в магазине было очень много народу. Много дней из-под завалов доносились голоса. Девятого декабря люди большими группами собирались у большого дома, на первом этаже которого находился промтоварный магазин. Мне показали седовласого мужчину, которого в толпе поддерживали несколько человек, чтобы тот не упал. Там, в магазине, его родные и близкие. Он всю ночь сквозь бетонную плиту разговаривал с женой, которая была зажата с одной стороны, кажется, холодильником, с другой — бетонной балкой. Она не могла двигаться. Она справлялась у мужа о детях. Муж справлялся у нее о родственниках. Выяснилось, что в магазин она зашла с матерью и племянником. Теперь она не знает, где они. И сама уже задыхается.

Подвели к этому месту кран. Специалисты сразу предупредили: нельзя поднимать верхнюю плиту, ибо неизвестно, на чем она держится. «Там все может сдвинуться, и тогда ее прижмет к полу», — сказал один из спасателей. И добавил: «Рыть надо, рыть. Дырявить». И начали рыть. Дырявить бетон отбойным молотком. Осколки бетона собирали в большую эмалированную кастрюлю и по цепочке оттаскивали в сторону. Собирали осколки также в белую простыню. И чем ближе к щели, откуда собирались вызволить женщину, тем отчетливее и громче были слышны ее стоны. Наконец появилась зияющая дыра. Ее осторожно расширили. Кто-то, сняв куртку, пролез вниз головой. И через какое-то время задергал ногами, давая понять, чтобы его тащили наверх.

Лицо женщины было черное, волосы не то седые, не то покрытые пылью. Через секунду-другую лицо стало светлеть. Находящиеся наготове у самой щели медики сразу же сделали ей укол в руку. Молодые парни, ловко и неловко, помогая и мешая друг другу, стараясь не упасть в бетонных скалах, вынесли женщину на носилках. Лицо закрыли платком. Слишком долго находилась в темноте. Понесли к машине «Скорой помощи», которая включила сирену еще до того, как женщину

взяли на борт. Машина с ревом отъехала, обдавая всех нас, и без того запыленных, пылью. И только тогда люди окружили седовласого мужчину, все еще поддерживаемого друзьями. Он плакал. Его поздравляли. А седой мужчина сквозь окружающую его толпу все смотрел в сторону разрушенного дома. Оттуда еще доносились стоны людей. Там все еще бились человеческие сердца.

Людей можно было спасти только в первые часы, в первые дни. Но именно в первые часы и в первые дни не было механизмов. Не было в ночное время освещения. Не было профессиональных спасателей. И когда постепенно стали прибывать механизмы и спасатели, выяснилось, что на дорогах образовались многокилометровые пробки. Просветы дорог и перекрестки сплошь забиты частными машинами. И пошел тогда мат-перемат, мол, нет организованности, мол, сплошные недисциплинированные водители-эгоисты. Зону бедствия объявили районом с особым, прямо скажем, военным положением. Необходимо было освободить дороги. Иначе тромбоз. Но нельзя было согласиться с тем, что так называемых частных обзывали кто во что горазд. Люди слишком быстро забыли про то, что только в первые часы были вывезены в Ереван и другие города более двух тысяч раненых — и все на частных машинах. Надо быть честными до конца.

* * *

В одиннадцать часов сорок одну минуту земля содрогнулась. Землетрясение длилось примерно минуту. В первые двадцать секунд случилось то, что, думаю, на двадцать, тридцать лет выбьет целый народ из колеи. Примерно миллион людей оказались в зоне бедствия. Десятки тысяч погибли в те самые первые двадцать секунд. Десятки тысяч погибали долго. Десятки тысяч были ранены. Сотни тысяч за двадцать секунд лишились крова. Я не случайно повторяю «двадцать секунд». Пока руководители республики, пока врачи, пока воины добирались до места трагедии, прошли часы. Именно в эти самые часы (самые ценные часы) и именно частники спасали несчастных людей. Они на бешеной скорости вывозили раненых, тотчас же возвращались назад в Спитак и Кировакан, Ленинакан и Джанджур, Налбанд и Степанаван. И, естественно, одна-единственная магистральная дорога могла не выдержать такой нагрузки. Не костерить надо было частников на третий, четвертый день, а сразу же организовать службу передвижения.

* * *

Восьмого декабря я снова был в Ленинкане, Спитаке и нескольких селах. Выяснилось, что всюду люди просили воды. Водопровод вышел из строя. В Спитаке, например, не уцелел ни один магазин, ни один склад. Девятого декабря уже знали, что имеется проблема хлеба, воды и... гробов. Я ужаснулся. Мне в голову не могло прийти, что так скоро нужны будут гробы. В большом количестве. Десятки тысяч гробов. В одном только небольшом селе Джрашен, что в нескольких километрах от Спитака, за два дня похоронили четыреста человек. В селе мне сказали (это было десятого декабря), что многие ничего не знают о своих родственниках, которые в то время находились в районном центре.

* * *

В центре Спитака несколько лет назад был построен стадион «Базум». Рядом проходит Базумский хребет. Накануне трагедии, шестого декабря, мальчишки играли здесь в футбол. Уже через час после землетрясения на поле «Базума» приземлился первый вертолет. А через три часа здесь появились первые медицинские палатки. На краю футбольного поля стали складывать трупы. В два часа дня, то есть через два часа девятнадцать минут, на стадионе появились грузины — самые близкие соседи зоны бедствия. Их здесь так и называли — грузины. Будь то представители гражданской обороны, врачи, юноши-спасатели, телевизионщики, водители. Все — просто грузины. Забегая вперед, скажу: такая же картина была во всех других районах и населенных пунктах. С той лишь разницей, что в Степанаване они появились чуть раньше, чем в Спитаке, а в Ленинанкане — чуть позже. Привыкшие к нескончаемым природным катаклизмам, грузины первым делом и в первую очередь подключили медицинскую службу. Но и они не предполагали, что уже через день встанет проблема с гробами. Кстати, мало чем отличаются быт и уклад грузин и армян, но именно в сроках похорон имеются различия. Армяне хоронят обычно на второй-третий день. Грузины — на пятый, а то и шестой.

* * *

В развалинах одного из домов я увидел высокого парня с густой шевелюрой с пилой и топором в руках. Он отпиливал торчащие из-под завалов доски, покрытые известкой. Пилил и откладывал доски в сторону. Минуты две я невольно следил за

его работой. Не мог понять, что он делает. Хотел было подойти к нему, но меня позвали. Мы направились опять в сторону стадиона, куда должен был прилететь очередной вертолет с хлебом. Как нам сказали, часть хлеба следовало оставить в Спитаке, часть — переправить в одно из сел. Я и собирався вместе с коллегами-писателями вылететь в то село.

На стадионе я заметил, что увеличилось число сложенных на обочине трупов. Слышен был громкий плач, он доносился с невысокой горки, у подножия которой находился «Базум». На склоне горки расположилось городское кладбище. Возле ровно сложенных в ряд мертвых тел не было родных и близких. Нетрудно догадаться, что те, кто должны были опознавать, сами погибли. Лишь у крохотного детского тела сидел молодой человек с небритым лицом. Он смотрел на почерневшее лицо ребенка и курил. Я подошел к нему. Сел рядом. Прижал к себе. Он принял сочувствие. Но продолжал молчать. Ко мне наклонился мужчина и сказал, что человек этот похоронил уже двоих детей. И добавил: «Нужен гробик». Холодом отдало от этого слова — «гробик». Я хотел было что-то сказать этому человеку, как увидел идущего прямо на нас по футбольному полю того самого высокого парня с густой шевелюрой. Он тащил небольшой гроб. Под мышкой держал крышку от гроба, ухитряясь не выпускать из рук топор и пилу. Остановился возле нас. Положил гроб на землю. Топор и пилу пристроил у валявшегося здесь же камня. Наклонился к беспрерывно курящему молодому отцу и тихо сказал: «Вставай, брат! Надо!» Говорил по-русски. Акцент выдал в нем грузина.

* * *

В тот день, вернувшись в Ереван, я до поздней ночи звонил всем знакомым и мало знакомым. То и дело междугородняя служба прерывала разговор. Это были мои заказы. Я без конца произносил слово «гроб». Правда, выяснилось, что и без меня все знали об этой проблеме. По крайней мере, Комиссия Политбюро очень даже хорошо была осведомлена. И когда одиннадцатого числа, приземлившись уже не на футбольном поле (на третий день запрещались посадки из-за того, что ветром от винта сдувались палатки и вещи, сложенные на поле), а на пашне, мы пешком подошли к центру города, то ужаснулись. Целая гора вперемешку сложенных гробов и гробиков. Зрелище страшное. Они были также сложены и вдоль улиц. На пустырях. Через три дня их словно и не было.

* * *

Не раз, бывало, возвращаясь из зоны бедствия, я направлялся не домой, а в Министерство здравоохранения. В первые дни министерства здравоохранения СССР Е. И. Чазов находился там до полуночи. С Евгением Ивановичем я хорошо знаком. В «Литгазете» опубликовал диалог с ним. И никаких хлопот не было с ним как с автором. Хотя в печать прошла страшная правда. Правда о том, что среди так называемых цивилизованных стран мы, пожалуй, одна-единственная, которая умудрилась снизить за последние годы среднюю продолжительность жизни, что по части детской смертности СССР находится в одном ряду со странами, где еще сохранился первобытно-общинный уклад жизни. Подолгу беседовали с министром в Ереване, в Москве. Потом я отвез ему гранки. И мне казалось, я успел узнать министра. Не любит мелочиться. Работает и живет по принципу Льва Николаевича Толстого: «Нельзя жить подробно». Прямой. Несколько крутой. И вдруг я обнаружил совсем другого человека. С воспаленными от бессонницы и слез глазами. Рассказывает и плачет. В кабинете министра здравоохранения Армении Э. С. Габриеляна союзный министр вспоминает прожитый им в Спитаке и Ленинакане день и плачет. Едва приходит в себя и снова плачет. То и дело ему на помощь приходит Эмиль Габриелян, который, конечно же, хорошо знал во всех подробностях те случаи, о которых пытался рассказать Евгений Иванович. Я едва успевал записывать рассказы министра СССР.

...Спасатели вывозили из-под обломков мать и крохотную девочку. Обе, к счастью, живы. Мать истощена до предела. Выяснилось, что девочка теряла сознание от жажды, что, кроме всего прочего, провоцировалось страхом, и мать поила ее своей кровью. Все пальцы ее исколоты. Благо, у нее нашлась булавка. Все десять пальцев мать исколола, выдавливая по капле кровь. Бедняжка не знала, что кровь, подобно физиологическому раствору, очень соленая жидкость. И от этого ребенка еще больше мучила жажда.

* * *

...Группа людей была замурована в подвальном помещении, в него невесть откуда поступал спасительный воздух. Обнаружили их собаки. Но подступиться к ним оказалось делом нелегким. Неизвестно, на чем держится потолок. Одно неосторожное движение — и он может рухнуть. Спасатели вскоре нашли какую-то щель. Пропустили через нее шланг. И стали подавать

людям воду. Даже молоко. Расширили шель. Натренированная собака прошла в нее, извиваясь, как змея. Она несла людям записки, спички, а затем и пищу, привязанную к туловищу. Такая связь длилась сутки, пока не удалось спасти всех.

* * *

...Советские врачи провожали своих западногерманских коллег, которые оставили у нас весь привезенный ими груз. Медики из десятков стран помогали выходить сотни и сотни, казалось, обреченных на смерть людей. Но уехали они не одни. Немцы прониклись сочувствием к двенадцатилетнему подростку с травматической ампутацией ноги. Мало было беды, теперь встал вопрос об ампутации руки после синдрома сдавливания. Немцы считали, что есть шанс спасти руку, правда, крохотный, но для этого лучше, если мальчик уедет с ними. И мальчишка тоже привязался к ним. Вместе с сыном поехала мать.

* * *

В те дни, когда я не летал или не ездил в зону бедствия, непременно посещал больницы. Каждый день печать сообщала данные о количестве больных, о тех, кто выписался, о тех, кто скончался в больницах. Но мы знали, что это только данные Минздрава республики, что сотни раненых вывезены в центральные клиники. Уже через неделю в Ереван самолетами привозили цинковые гробы. Все это было реальностью. В самой трагедии мы видели нечто естественное. Ничего, мол, не поделишь. Слепая сила природы. Но сердце обливалось кровью. Хотелось подходить к тысячам и тысячам родителей, дотронуться до них, чтобы взять себе хотя бы частицу их боли. Как бы ни внушали себе, что беда во время землетрясения — явление естественное, но никак нельзя свыкнуться со смертью ребенка и нет ничего противоестественнее, чем видеть одноногого или однорукого ребенка, видеть потерявшую родителей двухлетнюю девочку без обеих ног и сидящую у постели этой крошки ее обезумевшую бабушку. Всякий раз, выходя из больницы, я невольно вспоминал, как в завалах Лениакана, Спитака, Степанавана, Кировакана я видел то, чего мне никогда не забыть: позы людей, которых настигла страшная смерть. Трудно писать об этом. Кран поднимает гигантскую плиту. И ты видишь мать, наклоненную над колыбелью. Землетрясение ведь длилось долго. Целую вечность. Где потребовалось двадцать секунд, чтобы рухнул качающийся сопротивляющийся

дом, а где и шестьдесят. И я, едва переводя дыхание, представлял, как, почувствовав толчок, мать бросилась к ребенку, спавшему в коляске, в люльке, в кровати. И первое, что она делала, — инстинктивно прикрывала малыша собственным телом.

* * *

Валентин Распутин прислал мне телеграмму на следующий день после землетрясения. Спустя несколько дней я получил от знаменитого русского писателя тысячу рублей с припиской: «Передай эти деньги туда, куда ты считаешь наиболее нужным». К тому времени на счет 700412 со всех концов мира уже поступали миллионы рублей. И все эти рубли мне казались какими-то абстрактными. А тут живые деньги. Надо было только решить, куда их отдать конкретно. Подумал, что нужно найти ребенка, который находится в больнице и у которого погиб кормилец. Помощь должна быть конкретной. Я еще не нашел ребенка, но уже знал, что Распутин, с которым мы являемся сопредседателями международной экологической организации «Байкальское движение», подал прекрасную идею. Всем детям, лишенным кормильца, помочь от имени писателей. Всем детям без исключения. Понимал, что государство и Детский фонд многое делают в этом отношении, но все же хотелось самим оказать осязаемое конкретное содействие детям. В один из очередных визитов в детскую клинику я познакомился с одиннадцатилетней Гоар Карапетян. Ампутирована нога. Выше колена. Рядом с ней находилась мать, Оля Карапетян. Девочка дней десять почти ничего не ела. Худенькая. Большие красивые глаза. В них густая печаль. Мать потом расскажет, что девочка долго не давала отмыть кровь на руке. Плакала, даже кричала. Говорила, что это папина кровь, что она не даст ее смыть. Что это память об отце.

Оля была на работе, когда в Ленинанкане остановились городские часы. Одиннадцать сорок одна. Она знала, что в это время ее муж Артем (домашние называли его Аликом) находился дома. Он заехал, чтобы накормить дочь и отвести ее в школу. Гоар училась во вторую смену. Оля выскочила из полуразрушенного здания и побежала домой. Вначале ничего не могла понять. Не было на месте девятиэтажного дома. Бросилась к завалам, не помня себя. Кричала: «Гоарик! Алик!» Весь город был в пыли, дыму, криках. Спасателям удалось, поднимая слой за слоем, добраться до кричащей девочки. Вначале от шока она потеряла сознание. Потом пришла в себя. Кричала:

«Я дочь Алика Карапетяна! Помогите мне. Мне больно». Отец погиб. Он могучим своим телом накрыл девочку. Успели они добежать с седьмого этажа только до шестого. Здесь и произошло самое страшное. Весь дом словно провалился. Гоарик помнит лишь, что отец обнимал ее. Пришла в себя в темноте от сильной боли. Нога была разможжена.

О днягах при дочери не было разговора. С Олей поговорили в кабинете главного врача. Ей было неловко. Я сказал, что никто из детей не будет обойден вниманием. Добавил, что принять протянутую в час беды руку спокойно может тот, кто сам протянет руку другому в час беды. Она взяла у меня адрес русского писателя.

* * *

Только в Ереване мы зарегистрировали более четырехсот ампутированных. Из них более сорока детей. И это не считая, сколько вернется безногих и безруких инвалидов, взрослых и детей из центральных клиник. Такое мы видели после войны. Но даже тогда среди инвалидов не было детей. Скоро мы будем встречать на улицах Еревана, Ленинакана, Спитака, Кировакана, Степанавана соотечественников с костылями. Проблемой проблем уже сейчас стали протезы. Дело это в нашей стране, по данным специалистов, находится на уровне Первой мировой войны. А тут дети. Растущий организм. И никак нельзя в этом деле обойтись без активного участия и милосердного соучастия представителей общественности, в частности, писателей.

* * *

Неужто армянские писатели нынешнего поколения смогут писать романы, повести. Я не верю, когда говорят, что кто-то пишет для себя. Глупости все это. Пишут для читателя. А если не бояться громких слов, пишут для народа. У армянского же народа сегодня огромное горе. Катаклизм декабря наслонился на сумгаитский февраль, деформировавший совокупную психологию целого народа. Народ, переживший пятнадцатый год, живший с исторической печалью и исторической бедой, вдруг столкнулся с событиями в Сумгаите, которые всячески старались замаять. Вряд ли продолжались бы на протяжении десяти месяцев перманентные митинги и демонстрации в Ереване, если бы вовремя была дана политическая оценка Сумгаиту и было бы принято политическое решение по Карабаху. Собственно, то, что было сделано почти год спустя. Народ очень

переживал, что Карабахский вопрос явно и очень умело используется против перестройки и против лично Горбачева. Но это уже другая тема.

* * *

В Ленинакане я видел Горбачева. После осмотра руин древнего города на автобусе он приехал в аэропорт. На нем лица не было. В глазах словно отражалась сама осязаемость боли, печали. В интервью, данном телевидению, М. С. Горбачев сказал: «Были мы сейчас в небольшом городе на двадцать тысяч жителей Спитаке. Весь разрушен. Ленинакан, ну, почти весь разрушен... Столько людей в беде, потерявших близких, целые семьи. По-человечески это вынести трудно, просто невыносимо. Я не видел никогда ничего подобного. Откровенно говоря, мне даже трудно с вами беседовать». Как же можно было после такой, как сказал бы Достоевский, человеческой речи бравшему интервью журналисту резко менять тему? Тему трагедии. Журналист, зная, что весь мир с трепетом смотрит на лидера страны, находящейся в трауре, позволил себе собственную сентенцию: «А вчера здесь, в Ереване, снова раздавались лозунги о Нагорном Карабахе. Ну что же за ослепление такое? Вот действительно вспомнишь библейскую истину, что если слепой поведет слепого, то оба упадут в пропасть». Понятное дело, союзный журналист слепыми называл членов комитета «Карабах» (их одиннадцать человек). Но кто же те слепые, которые идут согласно «библейской истине», за слепыми? Народ. Неужто в минуту трагедии целого народа можно так говорить обо всем народе?

Мы хорошо помним те времена, когда целые науки были объявлены лжеучениями. И в качестве примера приводим генетику, кибернетику. До недавнего времени игнорировались социология, экология, ноосфера. Но и сегодня для нас словно не существует такой науки, как социальная психология. Мы больше знаем о пчелах и муравьях, нежели о народе как социальном феномене. Народ не принимает и не воспринимает догму. Он не бывает слеп. В любую эпоху он бывает занят делом: рождает детей, хоронит мертвых, бережет язык. Хранит тепло очага. И вовсе не случайно, что в день похорон двоих своих детей отец, убитый горем, задал вопрос Горбачеву: «Когда вы решите проблему Карабаха?»

Нельзя не учитывать социальную психологию народа, особенно если она в силу воздействия длительного стресса и страшной трагедии деформирована. Надо идти от жизни, считаясь с

ситуацией, не забывать, что боль Спитака наслои­лась на боль Сумгаита, что Карабах — это историческая родина армян.

* * *

...В армянском небе стало тесно от вертолетов. То и дело слышишь: «Справа по борту вертолет!», «Прямо по курсу вертолет!» Мы уже хорошо знали, если вертолет нас обгоняет, значит, он разгрузился где-то и идет, так сказать, налегке. Если навстречу летит сразу целая стая, значит, и нам придется поворачивать назад. Нет сомнения, что перевал закрыт. Ведь погода в этих местах меняется на глазах. А это ужасно — возвращаться на базу с грузом, который ждут в селах.

В тот день мы летели с группой американских общественных деятелей и врачей, среди них были наши соотечественники Луиз Симон-Манукян, Вардгес Наджарян и доктор Роберт Гейл, который был приглашен в СССР в 1986 году для оказания помощи пострадавшим от аварии Чернобыльской атомной станции. Накануне мы все вместе посетили детскую клинику. Заходили в каждую палату. Каждому ребенку Гейл дарил сувениры: куклы, книжки, жевательную резинку, конфеты. В каждой палате говорили о том, что сейчас, в эти минуты, американские спасатели с хорошо обученными собаками спасают людей в Ленинакане. Проходя по коридору мимо сидящего в коляске подростка, Гейл остановился. Остановился и его ассистент, держа в руках коробки с красочными сувенирами. Профессор сам протянул подростку горсть конфет, но мальчик не принял подарок. Тут только американский врач обратил внимание, что у подростка нет руки. Наклонился. Обнял. Прижал к себе и увидел, что ампутирована и нога тоже. Профессор отошел к окну и стал тайком вытирать накотившиеся слезы.

* * *

На борту вертолета Ми-8 я напомнил доктору Гейлу о мальчи­ке — Армене Мартиросяне. Доктор сказал: «Это ужасно. На­прасно многие полагают, что врач приобретает с годами некий иммунитет к чужой боли, к чужим страданиям, даже к самой смерти. Просто, сопереживая, заставляешь себя думать о конкрет­ных действиях. В философии, точнее в философствовании, нуждается сытый и здоровый. А страдающий от боли нуждается в помощи». Переводила нашу беседу на борту вертолета вице-президент Всеармянского благотворительного союза Луиз Симон-Манукян. Она сказала, что поездка их делегации

со спасателями носит в то же время и несколько разведывательный характер. «Узнав о масштабах бедствия, мы, в первую очередь, подумали о том, какую конкретную помощь нужно оказывать. Если помощь не конкретная, если она, я бы сказала, не избирательно доходит до адресата, то это не помощь».

* * *

Не повезло нам в тот день. Вернулись с той самой стаей вертолетов, повернувшей назад от неожиданно закрывшегося перевала, за которым находился Ленинакан. На обратном пути попросили пилотов облететь места аварий советского и югославского самолетов. Советский упал на день раньше. Одиннадцатого декабря при подходе к аэропорту Ленинакана потерпел катастрофу военно-транспортный самолет ИЛ-76. Погибли девять членов экипажа и шестьдесят девять военнослужащих, направлявшихся в Ленинакан для участия в ликвидации последствий землетрясения. На склоне пологой сопки был хорошо виден след катастрофы. Судя по всему, самолет ударился о землю плашмя. Черный след на земле — и ничего более. Если не считать хвостовой части, от которой поднимался дым.

* * *

Закрыт путь и между Арагацом и Ара к Спитаку. Возвращались на базу через Араратскую долину, облетая Армянскую атомную станцию.

Неподалеку от аэропорта «Звартноц», на шоссе на дороге, мы увидели следы еще одной катастрофы. Ночью при подлете к Еревану разбился югославский военно-транспортный самолет с грузом помощи пострадавшим от землетрясения. В печати сообщалось: «Самолет упал и взорвался в 12–13 километрах от аэродрома». Можно было мысль эту выразить несколько иначе: «Самолет упал и взорвался в 12–13 километрах от атомной станции». Такая информация наводит на более тревожные мысли, нацеленные на будущее.

* * *

На следующий день нам повезло. Вертолет взял курс на Спитак. Облетели села Джрашен, Налбанд, Луйсахпюр. Несколько часов провели в районном центре. Здесь, как и в Ленинакане, полностью были разрушены лишь новые и новейшие дома. И на это не могли не обратить внимания гости. Услышав о том, что в двенадцатитысячном городе в сейсмической зоне

строили многоэтажные дома, Гейл пожимал плечами. Знаменитого врача узнавали в Спитаке. Его называли «Доктор Чернобыль». Окружили. Но говорили не о своем горе. Расспрашивали об Армянской атомной электростанции. «Мы как-нибудь обойдемся. А вы, как специалист, помогите закрыть станцию». Поздно вечером у меня дома за ужином Роберт Гейл не раз вспоминал разговор со спитакцами, многие из них потеряли родных и близких, остались без крова, но выражают беспокойство о судьбе атомной станции.

Член американской делегации, известный ортопед из Лос-Анджелеса Вардгес Наджарян сказал: «Тот, кто видел своими глазами город, от которого на карте осталось одно лишь название, тот, кто видел, как бабушка хоронила восьмерых внуков в селе Налбанд, должен жить иначе. Не так, как жил прежде. По другим нравственным меркам».

* * *

Пятьдесят восемь сел погибло полностью. Большая часть домов — это бывшие дома, накрытые искореженными крышами. Чуть ли не все дома ниже человеческого роста. Лишь Степанаван оставляет какое-то странное впечатление. Подлетаешь к райцентру, и вроде душа радуется: стоит себе город и стоит. Правда, явно видно, как с десяток домов полностью разрушены. Они хорошо видны сверху. Это, конечно же, новые девятиэтажки, поставленные как бруски на попа в некогда уютном курортном городе. Но когда поехали на машине и прошлись пешком по двадцатитысячному городу, в котором, как утверждают, насчитывается около четырех тысяч домов, то убедились, что ни один из четырех тысяч домов не уцелел. Ни один. Зияющие трещины на стенах. Нет стен вообще. Рухнул на землю балкон, оторвав часть стены. Упал фасад. В первый раз я посетил Степанаван после землетрясения вместе с другом, народным артистом СССР Сосом Саркисяном. Он родом из Степанавана. Там у него отцовский дом. И мы повернули к отцовскому дому Соса Саркисяна. Улица Шаумяна, дом 86. Улица сохранилась. Дома номер 86 — нет. На его месте груда камней, накрытая белой крышей. Сос перелез через невысокий штакетник в свой двор. Подошел к руинам дома. Взялся за край крыши. Прислонился к камню и заплакал. Мы отошли. Пусть поплачет. Так надо. Никто из родных, к счастью, не пострадал. Но дом — это тоже живое существо. А родной дом — родное существо.

* * *

Разговорились со степанаванцами. Я делал записи. Короткие фразы.

...Мы понимаем, мы сознаем горе Спитака, но...

...Мы очень болеем за Спитак и Ленинанкан. Однако нельзя забывать и про Степанаван.

...Жертв, конечно, у нас меньше. Всего сто человек...

...По сравнению со Спитаком.

...Но в городе нет ни одного дома, в котором можно ночевать.

...Всего на один балл у нас было меньше, чем в Спитаке. Дома выстояли, но в то же время нет домов. И о нас словно забыли...

...Если бы не грузины, то неизвестно, что было бы с нами.

...Дай Бог долгой жизни грузинам.

...Палатки — это грузины. Вода минеральная — грузины. Хлеб — это грузины. И всех наших раненых перевезли в Грузию.

...Журналисты виноваты в беде нашей...

...В беде виновата стихия, а не журналисты...

...Я имею в виду, что по телевидению вот уже четвертый день ни разу не показывают Степанаван. Даже город наш не называют.

И впрямь, потом я стал обращать внимание на то, что о Спитаке, Ленинанкане, Кировакане говорят, а про Степанаван зачастую забывают. Хотя положение в городе просто катастрофическое. Из двадцати тысяч жителей все двадцать тысяч лишились крова. Разбили палаточный городок. Но палаток не хватает. А жизнь продолжается. Дети болеют. Женщины рожают.

* * *

Я понимаю степанаванцев. Но я понимаю и главу союзного правительства Николая Ивановича Рыжкова, который с утра до вечера находился то в Ленинанкане, то в Спитаке, то в Кировакане. Первые дни. Первые часы. Все мысли направлены на спасение тех, кого еще можно спасти. Ведь вызволили, вытащили живыми около пятнадцати тысяч человек. И при всем при том я очень понимаю степанаванцев. Беседовал у палаточного городка со стариком, который, опираясь на сучковатую палку, глянул на небо. Черные тучи скапливались над высокогорным Степанаваном. Здесь снег чуть ли не полгода. Неожиданно подул холодный ветер. Захлопали по земле брезентовые

края плохо и неумело поставленных палаток, в которых размещались раненые.

Я знал, что через день в Степанаван привезут сборную больницу. Знал, что в Степанаван направляются продукты, товары. Я сказал старику, что Рыжков завтра присылает сюда больницу, хлеб, одежду. Через день я был в Степанаване, куда успели привезти сборную больницу, хлеб, одежду.

* * *

...Через каждые пять дней я по-своему подводил итоги прожитой нами новой жизни. Все было новым. Мысли. Сны. Ощущение времени. Особенно запомнились мне первые пять дней. Одиннадцать часов сорок одна минута. Двенадцатого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. К этому времени произошло триста шестьдесят семь толчков. Девяносто четыре из них были силой свыше пяти с половиной баллов. Потом будут еще и шесть с половиной баллов. И семь баллов. И еще более тысячи толчков.

Осязаемая помощь со всех концов страны и мира стала поступать в основном с пятых суток. И это понятно. Пока доберешься из Парижа, Осло, Лос-Анджелеса в Москву, пока из столицы Армении люди и грузы доходили в зону бедствия — проходили дни. Много дней. А в помощи больше всего нуждались именно в первые пять дней. И вот тут-то и надо сказать о военнослужащих. «Нельзя жить подробно». Не будем говорить об «отдельных случаях». О том, например, что среди мошенников встречались и военные. Рыжков, советуясь с юристами, запретил журналистам употреблять слово «мародер», ибо не было в зоне бедствия мародеров ни среди гражданских лиц, ни среди военных. Были негодяи в первые пять дней. Потом словно ветром их сдуло. Даже в знаменитой картине Карла Брюллова «Последний день Помпеи» изображен человек, который в самую трагическую для города пору тащит драгоценности. Думается, с 79 года до нашей эры мало что изменилось в морали и психике негодяев и подонков. Газеты рассказывали о них после Ташкента, после Чернобыля, после Мехико. Не стала исключением и Армения. Речь идет о единицах. Но в первые пять дней в разрушенном холодном городе военными было оборудовано пять палаточных городков для более двадцати восьми тысяч человек. По утверждению полковника М. С. Суркова, в первые пять дней населению было роздано дополнительно около трех тысяч семейных палаток. В течение первых четырех

дней службами было организовано распределение среди пострадавших всей имеющейся теплой одежды, оборудовано двадцать пунктов для приготовления горячей пищи. Тридцать две тысячи человек питались дважды в день. В городе, где были разрушены все хлебопекарни, в первые дни хлеб пекли только военные в полевых хлебопекарнях. Только за один день, одиннадцатого декабря, войсками извлечено из руин триста шестнадцать человек, в том числе сто два живыми.

К концу первой пятидневки в Ереван прибыли представители около сорока стран. Я видел стоящие недалеко друг от друга самолеты, прилетевшие из ФРГ, Уганды, Израиля, Австрии. Чуть поодаль борт французской авиакомпании. В ряд выстроились сразу несколько «Боингов» и среди них самолет, принадлежащий Арманду Хаммеру. В тот день я вновь видел Луиз Манукян-Симон и случайно оказался среди встречающих Арманда Хаммера на летном поле. Девяностолетний президент «Оксидентал петролеум корпорейшн» спускался по трапу довольно лихо. Я вспомнил, как мой девяностотрехлетний дед Маркос, который всю свою жизнь хлеб резал только стоя, выражая тем самым особое уважение к великому творению человеческого гения, сказал мне однажды: «Запомни, мужчина стареет, когда чувствует слабость в коленях». Я видел, как Хаммер ловко преодолевал ступени гостиницы «Раздан» и вновь вспомнил дедушку Маркоса. Там же, в «Раздане», знаменитый старец рассказал о том, как сразу после землетрясения он отправил послание господину Горбачеву, выразил соболезнование, сочувствие и заявил, что хотел бы приехать, оказать посильную помощь. В течение суток через Советское посольство в США американскому бизнесмену и общественному деятелю сообщили, что Горбачев приветствует это пожелание.

* * *

Доктор Хаммер приехал с бесценным грузом — медикаментами и необходимым оборудованием для оказания экстренных мер. Груз сопровождала профессор медицины Роза-Мария Дурazo. Арманд Хаммер сам представил свою спутницу: «Не все, наверное, знают, что эта отважная женщина спасла немало пострадавших от страшного землетрясения в Мексике, а сейчас решила не только оказать помощь пострадавшим от землетрясения в Армении, но и поделиться своим опытом». В тот же день Арманд Хаммер передал председателю Совмина Армении чек на миллион долларов.

...Самолет приземляется за самолетом. В считанные секунды подается трап. Открываются двери. Один за другим выходят рослые мужчины в ярких униформах. Они готовы тотчас же ринуться в бой. Лица у всех серьезные. Ереванцы встречают их, тщетно пытаясь скрыть слезы. Встречают парней из Италии и Австрии, Норвегии и Швейцарии, Франции и Мексики, США и Канады. С чувством благодарности смотрят на породистых разношерстных красивых собак. Много их, собак.

Я видел чудо. Видел в Ленинакане и в Спитаке. Настоящее чудо — собаки. У меня было такое ощущение, что передо мной мыслящие существа. Они не только слушали команды своих хозяев, но и в процессе поиска, ловко передвигаясь по руинам, казалось, сами принимали решения, сами давали команды своим хозяевам. То там, то тут слышались восторженные возгласы: «Нашел живого человека». Собаки находили не только живых. С их помощью извлекали тысячи и тысячи трупов. Поистине то, что преподносит нам жизнь, не придумает даже сверхгениальный литератор. Кто из нас мог подумать, что человек может радоваться, когда находят мертвое тело родного человека. Нет, он не улыбается, он не забывается. Он успокаивается. Облегченно вздыхает. Я видел двадцатилетнего парня, который шесть суток сидел у завалов, пока не извлекли оттуда тело его матери. Он не мог бы простить себе, если бы не похоронил ее, если бы допустил, чтобы в ход пустили бульдозер.

Ежедневно показывали по телевидению, как собаки помогают живым и мертвым. О них говорили: «Спасают живых и мертвых». Но чудо длилось всего два-три дня. Слишком быстро собаки теряли обоняние из-за массы посторонних запахов, среди которых были и химические.

С утра до вечера работавшие в зоне бедствия врачи и летчики, воины и журналисты не считали спасенных. Просто радовались. Ощущали то, о чем философы спорят веками, — само счастье. Да, извлечь из каменного гроба живого ребенка, видеть его живые глаза, это значит видеть и осязать само счастье. Тут каждый отдельный случай достоин повести. Ибо речь идет не только о спасенной человеческой жизни, о спасенной просеке в людском поле, но и о подвиге как спасателей, так и спасенных. И еще: нужно накопить опыт, нужно описать все отдельные случаи. В стране, где есть Ашхабад и Камчатка, Ташкент и Спитак, Чернобыль и Арзамас, должна быть организована мощная специальная служба, если не целое ведомство, по ока-

занию помощи людям, попавшим в экстремальные условия, в чрезвычайные ситуации. Кстати, службу эту, или ведомство, а, может, и министерство, так и можно назвать — чрезвычайной ситуации. По свидетельству специалистов, в зоне бедствия Армении можно было спасти в два-три раза больше людей, если бы профессиональные спасатели с обученными собаками появились на два дня раньше. Среди собак, прибывших в Спитак и Ленинакан, не было наших, советских. Ни одной. Они пересекли океан и континенты. Их было мало. Их должно быть много, очень много. Они больше двух-трех дней не могут работать. А замены собакам не было.

Вскоре все специалисты со своими собаками вернулись в Ереван. Словно мало было морозов в самой зоне бедствия, а тут еще вдобавок аэропорт «Звартноц» окутал густой туман. Сотни самолетов направлялись в Ереван, который был закрыт. Самолеты приземлялись в Тбилиси, в Анкаре, в Москве. Не смогли вылететь и те самолеты, которые должны были отвезти гостей, среди них спасателей с собаками. Два дня хозяева вынуждены были выгуливать своих четвероногих помощников по Еревану. Их окружали ереванцы. Целовали не только спасателей, но и собак. Всегда осторожные матери на сей раз смело подпускали маленьких детей к огромным животным, будучи уверенными, что добрые «друзья человека» — добрые на самом деле.

* * *

...Я опубликовал серию статей о проблеме отходничества. Ежегодно до тридцати тысяч строителей уезжали за пределы республики на заработки. Тридцать тысяч — это огромная цифра. Не будем говорить о том, что речь идет о мастерах на все руки, о строителях-многоборцах, о крепких парнях. Скажем лишь, что во всем сельском строительстве республики работают десять тысяч человек. В три раза меньше. И среди них мало профессионалов-строителей. Отходники ежегодно присылали только на аккредитив в общей сложности до ста двадцати миллионов рублей, что превышает годовой фонд зарплаты двух строительных министерств. Поздней осенью возвращались шабашники домой. Рассказывали о том, как они там, далеко от дома, строили добротные школы, добротные детские сады, добротные коровники, за что получали не только большие деньги, но и почетные грамоты за добросовестный и качественный труд. Подтрунивали над местными строителями, которые в родном селе строили халтурно. Вместо арматуры вставляли в

бетон проволоку, вместо цемента — песок, вместо сварки использовали слюну. Подтрунивали, ничуть не задумываясь, что это их дети ходят в школы, построенные горе-строителями.

Большинство детей погибли именно в школах. Только в селах было полностью разрушено около пятидесяти школ. Такое было, кроме всего прочего, невезение, удар пришелся в самый разгар занятий. Я видел села, где сохранились дома, построенные возле школы, от которой ничего не осталось. Почти в каждой из них погибли учителя, спасая детей.

Село Лернапат. Небольшое высокогорное село в Гугаркском районе. Сегодня нет Лернапата. В сельской школе в то самое страшное мгновение находились двести учеников. Очевидцы потом расскажут, что школа не сразу разрушилась. Она разрушалась в течение долгих десятков секунд. И этих секунд хватило для того, чтобы трое учителей спасли сто семьдесят двух учеников. Спасая своих питомцев, погибли наставники. И с ними двадцать восемь детей. Большинство — это старшекласники, которые помогали учителям спасать самых маленьких. Разумеется, тот, кто строил, не задумывался над тем, что погибнут его дети. Он давно уже свыкся с мыслью, что все в стране строят халтурно и всем это сходит с рук. А раз так, то ничего страшного и нет в самой халтуре. Общественное здание — не собственный дом. Можно и не сварить концы арматур там, где это полагается.

Погибли дети в Джаджуре и Налбанде, Луйсахпоре и Джрашене. В сотнях городов и сел. Погибли дошколята и школьники, учащиеся ПТУ и студенты. Погибли учителя вместе со своими учениками, врачи вместе со своими больными. У них у всех были имена, которые должны быть высечены в камне. Все.

* * *

Слухи. Ими сейчас занимаются науки — психология и социология. Не простое это явление — слухи. Нередко выдают «желаемое за действительное». Прежде всего надо разобраться в каждом отдельном случае. В Ереване не разбирались. Стидили, мол, как не совестно, «панику сеять». По городу прошел слух, что самолет врезался в Армянскую АЭС. Можно было кому-нибудь из официальных лиц выступить по телевидению и сказать, что самолет действительно, к несчастью, потерпел аварию, но, к счастью, не врезался в АЭС. Он упал в двух десятках километров от станции. Можно, конечно, добавить при этом, что сам этот факт лишний раз подтверждает: правы были ученые и писатели, когда на протяжении многих лет считали

проблему Армянской атомной одной из актуальнейших. (Мы были против не АЭС, а места ее строительства.) Люди хотели убедиться, что слухи не подтверждаются. Люди перезванивались и советовали не пускать детей в школу. «Говорят, завтра будет сильное землетрясение». Нет ничего удивительного в такого рода слухах. Уже насчитывается более двухсот пятибалльных толчков. Трижды после седьмого декабря сейсмологи отмечали толчки выше семи баллов. И тут местная газета печатает анонимный материал, в котором с грязью смешиваются все те, кто считает, что если лайнер врежется в АЭС, то нас ожидает радиационная смерть. Чаще всего повторяется слух: в ближайшее время ожидается новое разрушительное землетрясение. Анонимный автор такого рода слухи называет «один нелепее другого». Но почему в сейсмической зоне, где в день регистрируется до сорока ощутимых толчков, слухи о землетрясении считаются нелепыми? Если бы в Армении разговоры шли о цунами — другое дело. Хотя Армянское нагорье видело и нечто схожее с цунами — потоп. И в эчмиадзинском музее самым бесценным экспонатом считается осколок от Ноева ковчега, найденный на вершине Большого Арарата.

Пожалуй, самым нелепым является то, что анонимные авторы, которых за последнее время стало хоть пруд пруди, почему-то считают распространителями слухов членом комитета «Карабах». Интересно знать, члены какого комитета «распространяли» слухи о новых толчках после двадцать второго октября 1926 года в Ленинакане? Два месяца я проводил свой камчатский отпуск в Ташкенте после землетрясения 26 апреля 1966 года. И все два месяца земля тряслась. И все два месяца только и было в городе разговоров, что о новых толчках. Если кто думает, что можно привыкнуть к подземным толчкам, тот слишком неуважительно относится к человеку как здравомыслящему существу. Другое дело, что даже в экстремальной ситуации человек не теряет чувства юмора. Мне помнится, как люди в Ташкенте улыбались, проходя мимо плаката, на котором было выведено чернилами: «Трясемся, но не сдаемся».

О том, что в Армении распространяются слухи «одни нелепее других», сообщила газета «Коммунист» от пятнадцатого декабря, где в интервью с вице-президентом Академии наук СССР академиком Н. П. Лаверовым, было сказано: «Сегодня можем лишь уверенно предсказать, что небольшое авторшоковое движение силой до семи баллов в эпицентре может повториться в Армении и в будущем».

* * *

...За пять дней до землетрясения в газете «Гракан терт» («Литературная газета») я опубликовал очерк на целую полосу об академике А. Д. Сахарове. Впервые довелось мне встретиться с «отцом советской водородной бомбы» в 1970 году. Приехал к Сахарову с Камчатки, где тогда работал врачом. Не собираюсь, конечно, пересказывать содержание очерка, но и упомянул о нем не всуе. Не раз встречался с академиком. Был у него уже на новой квартире летом восемьдесят восьмого. Звонил много раз. Звонил он мне. Звонила жена его Е. Г. Боннэр. Время было более чем горячее. Все обещал, что приедет в Ереван. Но потом твердо сказал, что до Нового года никак не получится. Намечается поездка за рубеж. И вдруг звонок из Москвы Галины Старовойтовой: «Вместе с Сахаровым вылетаем в Баку. Оттуда намерены приехать не только в Ереван, но и в Карабах».

Три дня я путешествовал с академиком. Побывал он и в Карабахе. Летали в зону бедствия. Я вел вечера встречи Сахарова и его соратников с беженцами из Азербайджана в Ереване и Степанакерте. Но сейчас хотелось бы вкратце рассказать лишь о поездке в Спитак.

* * *

В десять утра ЯК-40 вылетел из Степанакерта и взял курс на Ленинанкан, где нас уже ждали машины Академии наук республики. На них должны были из Ленинанкана доехать до Спитака, посетить несколько сел и вернуться вечером в Ереван. За маршрут, так вышло, отвечал я. Одно усвоил четко: «Кровь из носу — на следующий день Сахаров должен быть в Москве. Вечером у него там важная встреча». Через тридцать минут летчики пригласили меня в кабину и передали, прямо скажем, дурную весть: «Ленинанкан не принимает. Перевал закрыт».

— Это плохо, — сказал Андрей Дмитриевич, когда я сообщил ему и его спутникам о закрытом перевале. Переживала и Галя Старовойтова, у которой были назначены встречи в Москве.

— Что-нибудь придумаем, — добавил я.

— Дело в том, что никак нельзя мне вернуться, не побывав в районе, пострадавшем от землетрясения. И в Москве меня ждут завтра.

— Что-нибудь придумаем, — повторил я.

За долгие годы пребывания на Камчатке я по запаху в воздухе научился предугадывать погоду. И по свежему запаху снега, запорошившего аэропорт «Эребуни», я знал, что к вечеру на-

грянет пурга. Но до вечера еще далеко. Сиротливо ежились у ЯК-40 Сахаров и пятеро, как говорится, сопровождающих его лиц. Никто, разумеется, нас не встретил, кроме начальника отдела перевозок «Эребуни». Ибо те, кто должны были встретить, уже находились в Ленинанкане. Вдруг я заметил, как в ста метрах от нас группа людей возится у вертолета.

— Эврика! — закричал я.

— Что-то придумал уже? — не без иронии спросил академик.

— Андрей Дмитриевич! Спросите меня: «Что это там за вертолет? Куда он собирается?»

— Что это там за вертолет? Куда он собирается? — поддержал игру академик, ежась от холодного ветра.

— Вертолет этот летит в Спитак. Он везет в два села груз. Продовольствие. Промтовары. И без задержек вернется в Ереван. Если не верите, пойдем спросим.

Гурьбой направились к вертолету, который, судя по всему, вот-вот должен был подняться в воздух. Подошли к давшему команду грузчиком молодому пилоту, близкому мне человеку, если не сказать, приятелю — Степе Никогосяну. Попросил Андрея Дмитриевича повторить вопрос, который он недавно задавал мне. Каково же было его удивление, когда Степан слово в слово повторил мой ответ.

— Сговорились, — сказал академик.

— Сговорились, — поддержали его Елена Георгиевна и Галина.

— Не сговорились, а я рассчитал. Ленинанкан закрыт. Значит, остается один маршрут — трасса, проходящая между четырехглавой горой Арагац и одноглавой Ара. Трасса эта ведет в Спитак. Раз вертолет берет груз, значит, везут его в ближайшие села, ибо в Спитак все и вся доставляют в основном машинами и даже по железной дороге. Тут куда важнее другое. Как нам стать пассажирами? По инструкции не положено.

— Ты же обещал что-то придумать?

— А я уже придумал. Мы сейчас составим список в двух экземплярах. Один оставим начальнику отдела перевозок, предварительно показав ему наши билеты, правда, на самолет ЯК-40, до Ленинанкана, другой список оставим, как это положено, на борту. Маршрут мы не нарушим. В чем-то даже поможем пилотам. По крайней мере, поможем разгрузиться.

— Как все это называется? — спросила Боннэр.

— Все это называется перестройка. Согласен ли со мной командир корабля? — спросил я.

— Согласен, — сказал Степан Никогосян.
— Согласен, — повторил второй пилот Самвел Манвелян.
— Согласен, — бойко выпалил бортмеханик Ашот Бабаян.
Вскоре мы пристроились у ящиков и мешков. И после громкого «От винта!» поднялись в воздух.

* * *

Минут через десять справа, у подножия Ара, показались пятиэтажки районного центра Егвард, где, я знал, здание школы дышит на ладан. Стоило перейти к левому борту — можно было сквозь сероватую дымку увидеть районный центр Аштарак. Еще до того как вертолет вошел в коридор, образованный Арагацом и Ара, справа, чуть подалее от Егварда, стали видны высоты районного центра Абовян. Минут через семь после районного центра Аштарак, пролетая над ущельем долины Касах, прямо выходишь на районный центр Апаран. И минуты через три слева видишь районный центр Цахкаовит. Еще минуты через четыре при хорошей видимости слева виден районный центр Аرتик. После чего минут через пять уже забываешь о проблеме нелепого районирования, создания искусственных районных столиц. Ни о чем уже невозможно думать. Под нами Спитак.

Об этом городе написано много. Рядом с ним ставят теперь Помпеи. В который уже раз я облетаю мертвый город. Еще совсем недавно его называли одним из красивых высокогорных городов края с прекрасным названием Спитак (Белый). Он и впрямь был белым: белые крыши, белый мелкомбинат, белый роддом. Нет крыш. Нет мелкомбината. Нет роддома. В нем седьмого декабря в одиннадцать часов тридцать одну минуту, то есть ровно за десять минут до землетрясения силой в десять с половиной (одиннадцать в эпицентре) баллов, родился мальчик. У Карине Арутюнян родился мальчик, которому не успели за те десять минут дать имя. Чудом спаслись мать и дитя. Это, как говорится, другая история. Просто я смотрел сверху на бывший роддом и вспомнил, что в Ереване в это время находились в детской больнице Карине Арутюнян и ее сын, названный Арамом уже после землетрясения. Врачи говорят — будут жить. Оба будут жить.

Я смотрел на город и вспоминал многих своих знакомых — живых и мертвых.

Дверь в кабину пилотов все время была открыта, и мы вели разговоры. Я обратил внимание, что командир вроде не собирается приземляться. Справился у него, в чем дело. Оказалось,

передали, что погода портится. Я был прав. Пурга надвигается. Во что бы то ни стало надо успеть хотя бы в одну деревню и полностью там разгрузиться. Решено лететь в ближайшую — Луйсахпюр. А потом, если успеем, сядем в Спитаке на некоторое время, а там уже посмотрим.

* * *

Луйсахпюр. Переводится с армянского, как «Родник света».

Сейчас там нет ни света, ни родника. В который уже раз на глазах одного поколения потухает свет очага, высыхает родник. Рядом проходит железнодорожный тоннель. Село стоит у шоссе, как на берегу реки. Я был девятого декабря в Луйсахпюре. Везли на вертолете хлеб. Снимок опубликован в «Московских новостях». Тогда еще не работали ни железная дорога, ни шоссе. В селе не было не только света, но и радио. Люди в течение первых дней и не знали, что мир спешит им на помощь. Они привыкли надеяться на свои силы. Давно еще сюда, к Роднику света съезжались беженцы из Сасуна и Муша, чудом спасшиеся от турецкого ятагана. Обосновались. Обжились. Возделывали землю. Построили добротные дома. Разбили сады. Но в 1920 году турецкие банды, предав огню и мечу Гюмри, ворвались в Луйсахпюр и сравняли его с землей. Вырезали людей, вырубали сады. Загнали безоружных людей в сарай и подожгли. Люди сгорели заживо. До сих пор сохранились следы пожара... После установления Советской власти в Армении Луйсахпюр, как и сотни других населенных пунктов, был не просто восстановлен, но и воссоздан заново. И вот теперь вновь руины. Однако я почему-то спокоен. Я знаю, потомки мужественных мушцев и сасунцев зарифмуют Луйсахпюр и Уйсахпюр — Родник света и Родник надежды.

Обо всем этом я рассказал моим спутникам. Вертолет приземлился на краю деревни, в открытом поле. Не успели мы выпрыгнуть на мягкую вспаханную землю, как подбежали люди. По всему было видно, что они уже привыкли к таким визитам. Летчики нас предупредили, что обычно распределение вещей проходит очень неорганизованно. Кто-то из них даже сказал: «Омрачается доброе дело». Я очень переживал. Думал, неужели на глазах у прославленного академика сейчас «омрачится доброе дело». Увы, так и случилось. Люди подходили к выгруженной горе вещей и без разбора брали мешки, коробки, ящики. Тащили, не глядя. Мы их остановили. Нам объясняли, что в прошлый раз они не успели и остались с носом. Мы потребова-

ли, чтобы поехали за председателем сельсовета и чтобы при нем все оформили, все перевезли при всех в сельсовет и там раздали. С нами не согласились. Из опыта знают: «ничего не выйдет». Так сказала старая женщина, схватила мешок и поволокла. Примеру ее последовали другие. К шапошному разбору прибежала простоволосая, в расстегнутом полупальто молодая женщина и стала громко причитать: «Опять обошли меня. Опять десятеро моих детей голодными останутся. Будьте вы прокляты». И была такова.

* * *

Никого возле вертолета не было, когда послышалось привычное: «От винта!» Винты медленно набирали обороты. Ветер от них разгонял по полю пустые коробки, бумаги, снежную пыль. Я вспомнил молодую мать десятерых детей. В ушах прозвучали слова ее проклятия. И потерял сознание. Впервые со мной случилось такое. Потом мне сказали, что привела меня в чувство Елена Георгиевна.

Мне было плохо. Что же это такое? Ведь получается, что виноваты люди, которые от доброго сердца оказывают помощь. Виноваты потерявшие родных и близких, оставшиеся без крова, решившиеся остаться в селе, хотя им предлагали на время выехать, устроиться в пансионатах, в домах отдыха, пока восстановят село. Но они остались. И вдруг такое. Успокоил меня Андрей Дмитриевич. Он, по-своему, оправдал их: «Они-то потом поделятся между собой тем, что растащили по домам. Их обозленными сделала не только стихия, но и неорганизованность. А неорганизованность куда страшнее, чем мародерство».

Понимаю, тяжело всем: и государству, и народу, и живым, и мертвым. Похоронить десятки тысяч мертвых — такое надо пережить. Отправить сто пятьдесят тысяч школьников и их родителей за пределы республики — это надо организовать. Приютить шестьсот тысяч оставшихся без крова — нелегко. Но создается такое впечатление, что в пятидесяти восьми полностью погибших селах не осталось вообще людей, что в трехстах сорока двух полуразрушенных селах жители спокойно ночуют в полуразрушенных домах. Вот на первых порах и не вспоминали о них. Самое удивительное, что помощь действительно оказывается. Помощь реальная. Только, прав Сахаров, не хватает организованности. По одному, всего лишь по одному толковому человеку на каждое село — и все было бы в порядке. Не так уж много людей осталось в деревнях. Можно составить список.

Выяснить конкретно, в чем нуждается не только в целом село, но и та или иная семья, тот или иной человек. Можно заказать все, что нужно. Благо, все что нужно, имеется на складах в Ереване, в десятках других городов. Тогда и организованность была бы четкая, глядишь, и разговоров было бы меньше вокруг проблемы распределения.

* * *

Вертолет приземлился на небольшой открытой площадке Спитака, обрамленной руинами. Пустырь, по-видимому, служил до седьмого декабря спортивной площадкой для школы. Там, наверное, за девяносто семь дней до землетрясения, первого сентября были выстроены первоклассники на свою первую линейку. Да, рядом с пустырем стояла школа. В развалинах мы насчитали более ста школьных портфелей. Пионерские галстуки, книги, тетради. Андрей Дмитриевич нагнулся и поднял тоненькую синюю тетрадь. Дрожащими руками стал листать ее. Тетрадь по математике. Неровным почерком выведены слова и цифры. И оценка красными чернилами «5». Академик платком вытер слезы, предварительно приподняв очки.

— Придет время, и локти будем кусать, — сказала Елена Георгиевна. — Так было после войны. Тут бы группе студентов из Еревана собрать все эти вещи, систематизировать. Потом ведь понадобится для музея. Нам надо уже сейчас подумать об уроках Спитака для будущих поколений.

К нам подошел человек лет тридцати. Разговорились. Узнали, что его сынишка погиб в этой самой школе. Почти все дети погибли, сказал он. Пригласил к себе в палатку, где устроились оставшиеся в живых члены семьи. Находились мы, как тут принято говорить, по другую сторону моста, который делит Спитак на две части. Здесь много частных домов. И у многих дети погибли в школах и дошкольных учреждениях. К нам навстречу шел мужчина небольшого роста, завидя которого наш спутник сказал: «При этом человеке я молчу. У него погибли трое детей и жена. И теперь часто можно видеть, как идет он от своего разрушенного дома к разрушенной школе. По той самой дороге, по которой ходили наши дети».

Сахаров снял очки. Вытер платком глаза.

* * *

Пролетая над полуразрушенным Кироваканом, летчики получили по радиации «штормовое предупреждение». Преодолеть

Памбакский хребет было уже невозможно. А это значит, надо менять маршрут. Лететь по ущельям к Севану и далее по долине реки Раздан до Еревана. Когда приземлились, мела пурга. Через час, подъезжая в Ереване к гостинице «Армения», мы видели площадь Ленина уже в снегу. А это всего лишь немногим более девятисот метров над уровнем моря. Средняя высота зоны бедствия около двух тысяч метров. Там очень холодно. На каждые сто метров — один градус мороза.

* * *

Буквально с первых минут вывозили раненых из разрушенных городов и сел. Вывозили в Ереван, в Тбилиси, а со следующего дня — и в Москву. И зачастую родные и близкие, не имея никаких данных о своих родных и близких, бросались в поиски. Людей вывозили тысячами, и в этой сутолоке и суете было не до регистраций. Привезли раненого в шоковом состоянии. Ампутировали конечность. Лежит без сознания. Таких тысячи. Уже в первый день Министерство здравоохранения подготовило около десяти тысяч коек. И вскоре все десять тысяч были заняты ранеными — взрослыми и детьми. И в такой «слепой» ситуации блестяще проявил себя комсомол. Вот когда он действительно оправдал свое назначение. ЦК комсомола республики создал штаб, при котором начали действовать различные службы для тех, кто был эвакуирован из зоны бедствия, и тех, кто разыскивает родственников. Были привлечены к работе в штабе программисты, были использованы возможности средств массовой информации. В течение только первой недели разыскали и передали родителям около пятисот детей. Вскоре была создана одна общая служба «Поиск» со своим печатным органом «Надежда». Возглавила службу первый секретарь ЦК комсомола волевая и мужественная Грануш Акопян. На десять сутки уже был составлен список из тридцати пяти человек. ЦК комсомола стал своего рода справочным бюро, которое давало необходимую информацию о детях, вывезенных за пределы республики. Дело в том, что поначалу, особенно в Ереване, зародилась тревога за детей, которых большими группами вывозили из Армении. Отсутствие четкой и оперативной информации порождало разного рода слухи и кривотолки.

* * *

Весь день провел я в давно полюбившемся мне Кировакане, который сегодня с воздуха, на первый взгляд, кажется, мало

чем отличается от вполне «нормального» города. Но стоит войти в этот красивейший город страны Наири, как сердце сжимается от боли. По существу — нет Кировакана. Не верю я во всякие там формулы укрепления домов. Нельзя шутить с природой. Дом весь в трещинах, в дырках, без углов. И вокруг снуют люди. Что-то измеряют. Спорят. Мудрят. Я, конечно, их понимаю. Надо спасти то, что можно спасти. Богатство народное. Но где гарантия, что фундамент дома цел, что завтра или через сто лет не грянет подземный гром? И не дай Бог, случится беда, и будущее узнает, что больше всех в том виноват я. Ибо слишком тихо кричал, слишком мало писал, не был настоящим борцом. И нет мне прощения. Нет прощения мне, тебе, ему.

* * *

В Кировакане я узнал страшную новость. Гиссарское землетрясение. На сей раз беда пришла на таджикскую землю. Толчок силой в семь баллов. И этого было достаточно, чтобы появились оползни. За сорок секунд оползень накрыл поселок Шарора. Толщина земляного слоя достигла двадцати метров. По уточненным данным, в результате землетрясения, получившего название Гиссарское, погибли 274 человека.

Поздно вечером по телефону я надиктовал телеграмму в Союз писателей Таджикистана. Девушка, принимавшая телеграмму, сказала, что весь день она и все ее подруги принимали слова сострадания от ереванцев. На следующий день группа таджикских строителей, приехавших для оказания помощи пострадавшим от землетрясения в Армении, вместе с отрядом, составленным из армянских студентов и молодежи, вылетела в Душанбе. Отправились из Еревана в Таджикистан специальным рейсом, с оборудованием, медикаментами, одеждой на борту.

Когда по телевидению передали, что под двадцатиметровой толщей глины оказались целые семьи, много детей и их практически невозможно откопать, дети мои прижались ко мне и матери. Мы не комментировали. Мне очень хотелось поехать в Гиссар. Но на следующий день я должен был с утра посетить детскую клинику. Мне рассказали, что дети, пострадавшие в Спитаке и Кировакане, плакали, узнав о землетрясении в Гиссаре.

* * *

Седьмого февраля исполнилось ровно два месяца с момента землетрясения. Накануне Сильва Капутикян и я долго говорили с Шарлем Азнавуром и французской делегацией о том, как

лучше организовать оказание практической помощи детям-сиротам и детям, потерявшим конечности. Я знал, что на следующий день большую группу детей мы отправляем в США, специалисты помогут решать вопросы протезирования. Около пятидесяти детей. Пятеро уже уехали. Тридцать два отправляем седьмого февраля. Готовим к отправке еще одну группу. Словом, так уж вышло, что знаменитый французский шансонье вроде бы опоздал. Но уж я-то знал, что хватит дел и для Шарля, и для сотен других гуманистов. Более четырехсот ампутированных. Работа нам предстоит большая. Я сказал Азнавуру, что подготовлю для него список тех, кто нуждается в помощи. И все же не хотел признаваться, что седьмого февраля мы провожаем детей. Не верилось, боялся приметы.

Ждал я этого дня, может, все два месяца. Где-то внутренне чувствовал, что имеем дело не только с медициной, но и с политикой. Помню, за полмесяца до Апрельского (1985 г.) пленума ЦК КПСС неожиданно заболел близкий мой друг, профессор истории Джон Киракосян. Повезли его в Москву. Лег он в Кремлевскую больницу (согласно табели о рангах: министр иностранных дел Армении, депутат Верховного Совета республики, член ЦК Компартии Армении). Диагноз: аневризма аорты. Спасти могла только операция. Судьба распорядилась так, что операцию сделали именно двадцать третьего апреля. В день пленума ЦК КПСС — символического начала перестройки. Утром того же дня мы вместе с сыном Джона Арманом Киракосяном встретили прилетевшего из Парижа известного профессора Бернара Андриасяна — крупного специалиста по аневризме аорты. Он привез с собой весь необходимый инструментарий, нужное количество искусственных аорт. Однако все наши старания оказались тщетными.

Куда только не звонили, какой только уровень не подключили к делу. Ничего не вышло. Хирург, который в год проводит более трехсот операций, не был допущен к операционному столу, на котором лежал «его» больной. Никто теперь не может утверждать, что, если бы оперировал французский хирург, больной был бы непременно спасен. Хотя, кто знает? По крайней мере, советский врач, по его признанию, проводил в год не более пяти таких операций. Но дело в другом. Дело в принципе. Трудно себе представить, каково было бы наше положение, если бы это страшное землетрясение случилось до апреля восьмидесят пятого. Уже на пятый день в зоне бедствия работали более двух тысяч иностранцев. И с каждым днем число их росло. А мы ведь помнили Ашхабад 1948 года.

И вот седьмого февраля 1989 года в аэропорту «Звартноц» приземляется военный, защитного цвета самолет-госпиталь, прибывший из США. Берет на борт тридцать два ребенка вместе с родителями, чьи документы оформлялись за считанные часы, и летит на Вашингтон, где, как нам сказали, его должна встретить жена президента Барбара Буш. Возраст пациентов на борту — от трех до семнадцати лет. Всех я знаю в лицо. С каждым из них встречался в больницах. Знаком и со многими родителями. Возвращаясь в Ереван, я все думал о том, что отправил на лечение, можно сказать, своих собственных детей, своих племянников. Среди них трое будут жить в Лос-Анджелесе у Мери и Вардгеса Наджарянов: пятнадцатилетняя девушка без двух ног, одиннадцатилетний мальчик без двух рук и четырнадцатилетний парнишка без одной руки и одной ноги. Вспоминал лица американских врачей и летчиков. Глаза у них счастливо искрились от сознания того, что причастны не только к спасению детей, но и к сближению двух стран.

Символично, что американская общественная организация, взявшая на себя заботу о наших детях, называется «Надежда». У Цвейга хорошо сказано: «Ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда».

* * *

На третий день после землетрясения была учреждена Государственная межведомственная комиссия по градостроительству. В самый канун Нового года были опубликованы «Результаты», полученные комиссией. В документе, в частности, говорилось: «В соответствии с заключением о строительстве в районах и городах Армянской ССР, подвергшихся землетрясению, для Ленинакана, Кировакана и Спитака установлена расчетная сейсмичность 9 баллов».

Я бросился к специалистам. Спрашиваю, как же можно «установить» сейсмичность девять баллов, если в Налбанде было одиннадцать баллов, в Спитаке — десять с гаком? Отвечают: ничего не поделаешь. Там, где сама природа «устанавливает» выше девяти баллов, просто строить ничего нельзя. По крайней мере, нельзя строить жилье.

Нельзя строить жилье. Как страшно звучит. Вообще, оказывается, по логике вещей, на этой земле нельзя строить ничего. А как быть? Три с половиной миллиона — таково население республики. Двадцать девять тысяч квадратных километров — площадь самая маленькая из всех союзных республик. Средняя

высота более тысячи восемьсот метров над уровнем моря. Плодородных земель — всего десять процентов: пять из них сотворено Богом, еще пять — освоено человеком. Плотность населения сто восемнадцать человек на каждый квадратный километр. По СССР — двенадцать. В Араратской долине — около пяти-сот. Регион безводный, безлесный. И в этой крохотной зоне есть теперь своя зона бедствия. Площадь ее около десяти тысяч квадратных километров. Это пространство, на котором были разрушения и жертвы. Сюда не входит Ереван, где сила толчка в ту роковую секунду составила шесть с половиной баллов и где около тысяч домов вмиг стали аварийными. Сюда не входят Араратская долина, Севанский бассейн, Акстевское ущелье, долина Дебета и Зангезур. Хотя всюду трясло, всюду были повреждения, трещины. Занимаясь сегодня «зоной бедствия», в центре которой находится Спитак, а еще точнее Налбанд, мы не можем забывать, что география «зоны» куда более обширна. В монографии «Ани — столица средневековой Армении» приводятся даты разрушительных землетрясений в Араратской долине и окрестных районах: 341, 861, 1045, 1131, 1679, 1681, 1819, 1840, 1926. В 1819 году землетрясение называлось Анийским, в 862 и 893 годах — Двинским, в 1679 году — Ереванским. В разное время в Зангезуре и Арцахе подземная стихия опустошала целые поселения. Были разрушены уникальные храмы Гарни, Татев и Воротаванк. Так что зона бедствия — вся Армения. И все равно надо строить. Выжить, чтобы жить. Другого не дано. Рассказывают, как Сталин пригласил в Кремль католика всех армян Геворга Чорекчяна и предложил переехать всем армянам в Алтайский край, мол, чего мучиться и страдать на камнях и вулканах. Его святейшество поблагодарил «отца народов» и добавил: «Можно, конечно, переехать, но как с собой взять Арарат?»

Так что никуда мы не денемся с нашей зоны бедствия. Какая ни есть, это — наша Родина. Частица Родины. Просто надо всегда помнить, что здесь земля, как, собственно, и душа армянина, беспокойная. Нужно строить дома, помня, что Налбанд может повториться в любое время. И строить города, а не районные центры. Вполне хватило бы республике пять-шесть регионов, кстати, исторически обусловленных. Ну, пусть восемь-десять. Это уже от силы. Но тридцать семь?! Это же надо додуматься! И додумались. Девятого сентября 1930 года на территории Советской Армении было враз создано двадцать пять административных районов. Трезвые люди ахнули. Собствен-

но, всех, кто ахнул, вскоре уничтожили. Никто не должен был ни сомневаться, ни удивляться. Нужно двадцать пять районов — значит нужно. А нужно потому, что легче, ловчее выдавать приказы, разнарядки, установки. Все люди на виду у местного начальства, все на учете. Все видно. Все слышно. Однако, отсутствие техники, бездорожье очень раздражали местное начальство, которое жаловалось в Москву: «Слишком много времени уходит на местах на выявление “врагов народа”». Москва пошла навстречу. И не только пошла навстречу Еревану, но и всей стране. И в 1937 году республиканский «пирог» разделили еще на семь кусков. Потом еще на пять. По какому принципу делили? Сам черт не ведает. Просто нужно было иметь как можно больше партийных секретарей и председателей исполкомов, как можно больше прокуроров и судей. Разделят район, как амебу, на две части — и через год выясняется, что на одной и той же территории количество преступников возросло вдвое. А ведь не количество преступников выросло, а количество судей и прокуроров, которые должны были найти преступников.

Каждый новорожденный район должен иметь свою столицу, называемую районным центром. И появились в крохотной республике, кроме Еревана, еще тридцать семь столиц, которые, как удавы, глотали и проглатывали деревни. Только за последние четверть века районные столицы проглотили более ста тридцати тысячелетних сел. Такая же картина наблюдалась и по всей стране. Но вернемся к Армении. Тридцать семь провинциальных столиц, со своими высотками, отдельными зданиями райкома, райисполкома, милиции, прокуратуры, банка, народного контроля, суда, потребкооперации и все такое прочее. У всех начальников водители-кучера, девицы-секретарши, умеющие отменно варить кофе. А в каждом районе всего-то тридцать тысяч человек в среднем, и земли — с гулькин нос. Матери в селе рожали по 5–7 детей, в районном центре — по 2–3.

Вот уже несколько лет армянские писатели ставят вопрос о пересмотре нелепого принципа еще более нелепого районирования территории республики. В ответ, как всегда, молчание. В зоне бедствия погибло или сильно пострадало около десяти административных центров. На встрече с председателем комиссии Политбюро ЦК КПСС Н. И. Рыжковым я справлялся о судьбе полностью разрушенных и пострадавших сел. Николай Иванович сказал, что восстановлены будут все села без исключения. Все. Но вот, к сожалению, архитекторы по-прежнему проектируют не города и поселки, а районные центры со своей полити-

ческой структурой. Зачем в семи километрах от Ленинакана содержать районный центр Ахурян, который так страшно пострадал от землетрясения именно потому, что он построен как районный центр? Зачем в семи километрах от Кировакана содержать районный центр Гугарк, который разделил участь Ахурыана?

Неужто даже после всего того, что мы пережили, ничего не уясним для себя. Мудрость — дочь опыта. Достаточно уроков. Казалось, уже известно: мудрость не сделает того, что противно природе. Быть мудрым, но не пытаться перемудрить. И все же мы так и норовим перемудрить даже в час испытания, в час беды, даже в зоне бедствия, забывая о том, что перемудрить — это один из самых позорных видов глупости.

* * *

Армянский хачкар (крест-камень) неповторим, как душа человека, как сам человек. Узоры и орнамент на хачкаре не повторяются не только на другом камне, но и в пределах одного экземпляра. Непохожи друг на друга и армянские храмы. Внешне похожи, как внешне похожи люди. У каждого памятника своя душа, свой голос, своя память. И памятники погибают, как люди. Если удалось извлечь из завалов и спасти 15 254 человека, то сами люди были бессильны спасти шедевры, созданные из камня. Всего в зоне бедствия был 8461 памятник архитектуры, этнографии, истории и искусства. В полуразрушенном состоянии оказались 1216 памятников, а 984, как говорят специалисты, получили столь серьезные повреждения, что практически придется их разобрать и воссоздать заново. 155 памятников полностью погибли. Их просто, можно сказать, нет. 179 памятников считаются шедеврами мировой храмовой архитектуры.

В первые часы, в первые дни мы не думали о шедеврах. Спасали людей. В официальных документах говорится не «спасали», а «извлекали». Извлекали из-под завалов. Пятнадцать тысяч двести пятьдесят четыре человека погибли бы. Все до единого. Но они были спасены. Об этом поистине планетарном подвиге, думаю, еще будут сложены легенды, сказания и песни. Сейчас, когда подвиг совершен, когда заложен фундамент под первый дом в Ленинакане, когда определено новое место для строительства Спитака, настало время подумать о судьбе памятников. Без них нет Армении, без них ущербен армянин. Разрушенный памятник — это осязаемая боль. Тысячи разрушенных памятников — это тысячи осязаемых болей.

Я встречался с членами экспертной комиссии ЮНЕСКО, которые осматривали разрушенные памятники. Комиссия предложила свою помощь по их восстановлению. С аналогичными предложениями выступили специалисты из Италии, Англии, Болгарии. Принято правительственное решение восстановить все памятники к 1995 году. Задача нелегкая. Погибли оригиналы. Надо сотворить копии. Но, убежден, каждый воссозданный памятник сам станет памятником братства людей. Разноязыкий люд имеет возможность восстановить армянские храмы, презрев трагизм легенды о вавилонском столпотворении.

К счастью, правительство прислушалось к голосу общественности, к предложению на всех сооружениях, пострадавших от землетрясения, после их восстановления установить памятные доски с указанием лиц и организаций, принявших участие в работе. Об этом писали, об этом говорили с трибун, в том числе и руководители республики. Совет министров Армянской ССР принял соответствующее решение. Памятные доски будут установлены. Вспоминаю, как один из самых богатых людей в мире Галуст Гюльбекян предложил построить дома по обе стороны шоссе, соединяющего Ереван с Эчмиадзином, но при условии, чтобы улицу назвали его именем. В этом случае жилищная проблема всей округи была бы решена. Но Москва отказала миллиардеру. Отказала прогрессивному человеку, который, кстати, основал гюльбекяновский фонд для оказания помощи людям Земли в гуманных целях.

Каждый возрожденный храм станет овеществленной в камне памятью народа. С ними будет легче жить и легче дышать. С ними будет надежнее, как с матерью. Не случайно армяне не только родину называют матерью, не только язык свой называют материнским, но храм называют матерью. Мать-храм. Мать — единственное на земле божество, не знающее атеистов.

* * *

Бывало, вернешься из Спитака домой в Ереван. Время за полночь. Пройдешь на цыпочках в детскую комнату, поправишь по привычке всем троим, хотя уже довольно взрослым, одеяла, чмокнешь кого в нос, кого в ножку, кого в голову. Просмотришь наскоро пачку газет. Подойдешь к своей постели и невольно подумаешь, что неловко ложиться и класть голову на мягкую подушку. Невольно вспомнишь о тех, кто в Гукасяне в двадцатисемиградусный мороз спит, не раздеваясь, в палатке, установленной рядом с разрушенным домом.

Явственно ощущаешь, что не спишь. Бодрствуешь. Но в то же время, без сомнения, видишь сон. Видишь в Ленинанке группу осужденных, которых по их просьбе временно выпустили из мест заключения, дав им возможность разыскать родных и близких. И среди них один осужденный, который в развалинах нашел тридцать восемь тысяч рублей и всю сумму вернул государству. До самого утра видишь сон. Вставать не хочется. Словно кто послал тебя в нокдаун. Клянешься детьми, что до счета «девять» встанешь. И вскакиваешь, боясь как бы вдруг не нарушить клятву.

* * *

Утром спешишь в детскую больницу. Надо родителям сказать, что накануне встречался с министром здравоохранения, который сообщил хорошую новость: имеется принципиальная договоренность с советской и американской сторонами о том, что всех их детей отправят на лечение в США. Это пытка, но в то же время и счастье: видеть улыбку на лице отца, у которого пятилетний сынишка лишился двух рук. Воистину прав Гёте: «Надежда живет даже у самых могил». Даже у могил. Отец улыбается надежде. Третьего дня он мне говорил: «Смотрю на безрукого сына, и руки опускаются». И я весь день клал под язык большие, как шайбы, таблетки валидола.

Потом узнал, что состояние нокдауна не только у меня. У всех. У нас. У нации. У всего народа. О том, что народ не остался одиноким перед лицом трагедии, много писали. Но потом ничего не говорили о том, что с первых же дней велась борьба за душевное состояние пострадавших. Стресс пережили все, кто оказался в очаге землетрясения, и те, кто находился за пределами зоны бедствия. Можно себе представить состояние школьников в почти полуторамиллионном Ереване, где сила толчка превышала шесть баллов и где на глазах у детей появились на стенах трещины, появился запах штукатурки. Те ереванцы, особенно дети, которые впервые в жизни почувствовали страшную силу стихии, может, довольно скоро «отошли», через какое-то время стали даже шутить. Но когда в первый же вечер по телевидению они увидели картины Спитака и Ленинанка, то их всех обуял этаким ретроспективный страх.

* * *

В зоне бедствия работала группа врачей из Всесоюзного института общей и судебной психиатрии имени Сербского сов-

местно с коллегами из Армении. У них был опыт Чернобыля, Арзамаса, Свердловска, Сванетии. В трех действующих поликлиниках было открыто специальное отделение по лечению стрессовых состояний, по оказанию медико-психологической поддержки. Специалисты считают, что от подобной психологической травмы народ не оправится долгие годы. Сама травма может изменить характер человека, привести не только к тем или иным невротическим расстройствам, но и к увеличению числа сердечно-сосудистых заболеваний — слишком хрупка, слишком ранима душа человека.

И вдруг на фоне тотального стресса на телеэкране появляется человек, который бодрым голосом спрашивает у другого: «Смогла бы Советская Армения одна, без помощи извне, оправиться, стать на ноги после того, что произошло седьмого декабря?» И другой голос с нескрываемым самодовольным оптимизмом отвечает: «Никогда!» Невдомек им, что они дискредитируют, а еще точнее, опошляют великий смысл общечеловеческого милосердия. Ибо нельзя о милосердии говорить вслух, а тем более кричать. Во все времена люди спешили на помощь людям. Всем селом отстраивали дом погорельца, при этом не попрекая пострадавшего оказанной помощью. Сейчас на великое горе маленького народа откликнулась вся планета. Произошло нечто непривычное, беспрецедентное в истории человечества. Мы почувствовали, что наша планета — единый дом. Земляне — одна семья. Трагедию армянского народа планета посчитала трагедией всех армян. Увидев великое множество флагов иностранных и флагов союзных республик, поэт Борис Олейник сказал: «Планета добра — добрая планета». И все шло от сердца. Мы еще со школьной скамьи, от Тургенева, знаем, что добро по указу — не добро. Американские конгрессмены говорили в Налбанде, что трагедия только одного этого крохотного села показывает, насколько хрупка наша планета, и что цемент, который пойдет на восстановление домов, разрушенных землетрясением, укрепит и связи между странами, прежде всего, между СССР и США. Однако горе слишком конкретно. Оно армянское. Беда так неожиданно навалилась на нас, наслонилась на нашу, как уже говорилось, историческую боль, что мы подумали о конце света. Боль столь обширна и сильна, рана столь глубока, что мы не могли оценить даже Указ о введении особой формы управления в Нагорном Карабахе, хотя прекрасно понимали, если бы не Карабахское движение и если бы не государственное решение, как временная чрезвычайная мера в

создавшейся ситуации, то Карабах вот-вот постигла бы участь Нахичеванской автономной области, где не осталось ни одного армянина.

Я верю, придет время улыбок. Жизнь возьмет свое. Когда в возрожденных селах и городах мы услышим шемящий душу радостный крик новорожденных, тогда и появятся улыбки на лицах отцов и матерей. И тогда проявится благодарность народа, впитавшего в себя на протяжении веков мудрость: чрезмерная поспешность в расплате за оказанную помощь есть своего рода неблагодарность, при этом нет на свете излишества прекраснее, чем излишек благодарности.

Армянский народ сотворил из камня Гегард, из мысли — Матенадаран, из духа — Гандзасар. Такое не мог сотворить раб. Вандалы и страшное землетрясение века назад разрушили самый древний на территории нашей страны языческий храм Гарни. Народ собрал разбросанные стихией по ущелью реки Азат тесанные руками предков камни, чтобы возродить величественный Храм солнца. Символом возрождения народа, пережившего геноцид 1915 года, стали улыбки на лицах детей, свет в глазах матерей, покой в сердцах отцов. Но пришло страшное мгновение седьмого декабря. И все теперь придется начать сначала. Надо встать на ноги, веря в друга и в брата, чувствуя локоть страны и планеты. Нужно верить в то, что самое страшное неверие — это неверие в себя, осознание своих сил увеличивает их.

Одно дано народу — жить, чтобы противостоять. Другого не дано.

* * *

В феврале, марте и апреле 1989 года чуть ли не круглые сутки трезвонил мой домашний телефон в Ереване. Большею частью звонили родные и близкие детей, отправленных за границу на лечение и протезирование. Так уж получилось, что из частных лиц я оказался единственным, кто стал своеобразным звеном между родителями и теми нашими соотечественниками, которые в спюрке брали на себя хлопоты по поводу лечения и быта наших детей. Я хорошо понимал родственников, особенно бабушек и дедушек, которые теряли покой, или, как они выражались, с ума сходили из-за отсутствия информации.

Чаще всего мне звонили супруги Мери и Вардгес Наджаряны из Лос-Анджелеса. Как уже говорилось, у них дома жили четырнадцатилетняя девушка без двух ног, тринадцатилетний пар-

нишка без одной руки и одной ноги, одиннадцатилетний мальчик без двух рук. Как-то Мери, едва сдерживая слезы, сказала, что «на троих — три ноги и три руки. И такие красивые лица».

Мери и Вардгес настоятельно просили, чтобы я к двадцать четвертому апреля прибыл в Лос-Анджелес, ибо они запланировали уже мое выступление ко дню памяти жертв геноцида армян. Народ по традиции соберется в местечке Монтебелло у памятника, возведенного над символической могилой полутора миллионов наших соотечественников, погибших в результате организованного младотурецким правительством геноцида. Вардгес Наджарян подчеркивал, что будут отмечать первый после Спитакского землетрясения День памяти, и посему народу на митинге ожидается много.

* * *

Двадцать второго апреля поздно вечером в гостинице «Москва» я смотрел передачу «Взгляд» по первой программе Центрального телевидения.

Ставшие за годы перестройки архипопулярными молодые телеведущие Влад Листьев, Александр Любимов и их коллеги, втиснувшись в медленно плывущую по Красной площади толпу, которая шла к Ленину в день его рождения, с микрофоном в руках спрашивали в толпе спешивших людей, которые, словно сговорившись, начали заикаться. Они не знали, как отвечать на простой вопрос: «Зачем вы посещаете Мавзолей?», «Как, по-вашему, не будет ли вернее предать тело Ленина земле, как это принято у православных?»

Ответы меня уже не интересовали. Это происходило в стране впервые. Было неожиданно. В тот поздний вечер я окончательно понял, что лед тронулся, что шатается уже кривая стена социализма, что лодка слишком сильно накренилась и уже начала черпать воду. Месяц назад в Арцахе я был избран в Советский парламент и через месяц в Москве начнет работать Первый съезд народных депутатов СССР. В тот поздний вечер, после передачи «Взгляд» я, кажется, окончательно потерял покой. Меня беспокоило самое главное: может, все сложится так, что в завалах развалившегося СССР в первую очередь окажется Карабах. Перед моими глазами прошла панорама руин Спитака и Лениакана, завалы которых стали своего рода образом агонизирующей империи.

Рано утром 23 апреля я вылетел в Нью-Йорк. За десять лет пребывания на Камчатке я около пятидесяти раз летал с полу-

острова на материк и обратно. Чаще всего — в Москву. И всегда ловил себя на том, что люблю летать на запад. Выигрываешь время. Часы. А иногда — целый день. Вот и теперь: рано утром вылетел в Нью-Йорк и в час полудни уже был в аэропорту Кеннеди. Меня встретила Луиз. На следующее утро я вылетел в Лос-Анджелес. Опять — на запад. В полдень уже был в городе, где к тому времени начался митинг в районе Монтебелло, на котором собрались около десяти тысяч армян.

Влившись в аэропорту в густую толпу, которая поначалу как-то бурно текла к выходу, я обратил внимание, как быстро редеют ряды и как бурный поток превращается в ручеек. Впереди уже видны стоявшие гурьбой встречающие. Обводя их взглядом, я сразу обнаружил машущих руками Наджарянов. Но почему-то не обратил внимания на тех, кто окружал Мери и Вардгеса. Лишь приблизившись вплотную, я заметил, что навстречу мне двигаются пестро разодетые дети. Сердце сжалось в комок. Казалось, уже и не бьется оно в груди.

Превратилось в камень. Я остановился. Вспомнил тысячу раз цитированную мной фразу античного врача: «Человек бега-ет не ногами, а сердцем».

Это были наши дети. Мальчишки и девчонки. Юноши и девушки. Они шли медленно. Шли, широко улыбаясь. Шли мне навстречу, стараясь не... хромать. Твердо шагали на протезах. Ловко управлялись с костылями. Лишь четырнадцатилетняя Анна из Ленинакана тяжело двигалась на двух протезах, помогая себе двумя палками. Весело шагал одиннадцатилетний Грачик, ловко жестикулируя протезами, заменяющими ему обе руки.

Дети, которых я видел в ереванских больницах и которых в морозное февральское утро провожал в аэропорту Звартноц, окружили меня. Я обнимал их, целовал. Они галдели. Худенькая девчонка, догадавшись, что я не узнал ее, зардевшись, спросила: «Не узнаете?» Я всмотрелся в ее лицо. Перевел взгляд на ноги. Одна нога протезирована. И узнал. «Гоарик», — воскликнул я. «Да, да. Гоарик. Вы говорили, что вашу маму тоже зовут Гоар», — сказала она, вся сияя. Вспомнил Валентина Распутина.

Подстраиваясь под темп тяжело шагавших детей, особенно Анны, мы медленно шли к месту выдачи багажа. Мери взалхлеб рассказывала, как трое детей, которые остановились у них дома, привнесли в их семейную жизнь одновременно и счастья и драмы. Их лечили, тренировали, учили самим надевать протезы в различных клиниках, а затем возили по вечерам домой,

где дети, став членами одной семьи, делали все, чтобы их не жалели, чтобы с ними обращались не как с инвалидами.

Она рассказала о том, как однажды обратила внимание, что маленький Грачик почти не пьет воды. Проследив за ним, довольно скоро разгадала тайну. Одиннадцатилетний непоседа оказался очень стеснительным. И когда днем они оставались одни, ибо Мери и Вардгес уходили на работу, то сходить в туалет для мальчика было целой проблемой: сам не мог справиться с брюками. Не мог в этом помочь ему и однорукий друг. А обратиться за помощью к Анне, которая была для подростка взрослой девушкой, да еще очень красивой, он считал для себя невозможным. Вот и решил не пить воду. Хотя любил соленую пищу и часто мучился от жажды.

Бедная Мери. Если бы она знала, что происходило со мной, когда она рассказывала об этом. Целую горсть нитроглицерина-бисера я клал под язык, чувствуя, как спустя несколько секунд гудит голова и отпускает сжимающая боль в груди. Однако я не показывал вида. Меня просили выступить. И я знал, что непременно выступлю перед людьми, которые собрались в Монтбелло. Ведь это было 24 апреля.

* * *

Меня сопроводили сквозь толпу к памятнику жертвам геноцида, где был установлен микрофон. Рядом, на флагштоках, реяли разноцветные флаги. Среди них красно-сине-красный флаг Советской Армении. Рядом красно-сине-оранжевый флаг первой республики 1918–1920 годов. Недалеко плакат: «Спитак — наша общая боль!»

Я говорил, стараясь не выдать тяжести моего состояния. По ходу выступления то и дело ловко подбрасывал в рот нитроглицерин. Говорил о том, что память наша должна быть действенной. О Карабахе. Я говорил о Спитаке и Налбанде, Ленинане и Луйсахпуре, Степанаване и Джрашене. В то же время, стоя на вершине пологой горки, я видел, как взрослые люди помогали детям,двигающимся на протезах и костылях, подойти как можно ближе к трибуне. Я сказал об этом людям. Раздался гром аплодисментов.

Мне становилось все хуже и хуже. Улучив момент, я наклонился к Вардгесу и тихо сказал: «Вывези меня отсюда. Как-то нечестно и неловко умирать на глазах у такого количества людей». Я уже дышал с трудом. Бусинки в крохотной стеклянной трубке с нитроглицерином закончились. Садясь в машину, я на-

последок бросил взгляд на вершину красивой горки. Монтебелло переводится как «красивая гора». Хорошо были видны яркие ми красками написанные слова: «Спитак — наша общая боль!»

* * *

Спустя несколько часов меня положили на операционный стол. Операция длилась слишком долго — десять часов. Пережил клиническую смерть. Говорить нельзя. Дышать сам не могу. Невозможно двигаться. Перед глазами — туман. Только обостренное чувство слуха. Огромный зал интенсивной терапии. Нас, таких послеоперационных, было человек, наверное, двадцать, женщин и мужчин. Вдруг до моего слуха дошли обрывки армянской речи, которую заглушал громкий, если не сказать, звонкий топот шагов, напоминающий стук. Четверо или пятеро детей на протезах и костылях в сопровождении чернокожей женщины в белом халате, приближались ко мне, у одного из них были цветы. Туман перед глазами рассеялся. Соседи справа и слева что-то говорили. Я прислушался. Ловил слова: «Армения», «армяне». И вдруг довольно громко: «Спитак». Я рефлекторно подумал о сердце. По инерции показалось, что сейчас начнется традиционный в таких случаях приступ боли. Но боли не было.

Еще раз до меня донеслось слово «Спитак». Я подумал о том, что об этом армянском городе, как о символе трагедии, знает и помнит вся планета. Это первый осязаемый урок Спитака. Для меня лично Спитак, символизирующий всю зону бедствия, вбирающий в себя всю обобщенную боль народа, является учением о противостоянии, учением, которое рождается из собственного пламени нашего народа. Рождается из истории, которую нельзя изменить. Ибо у истории можно только учиться.